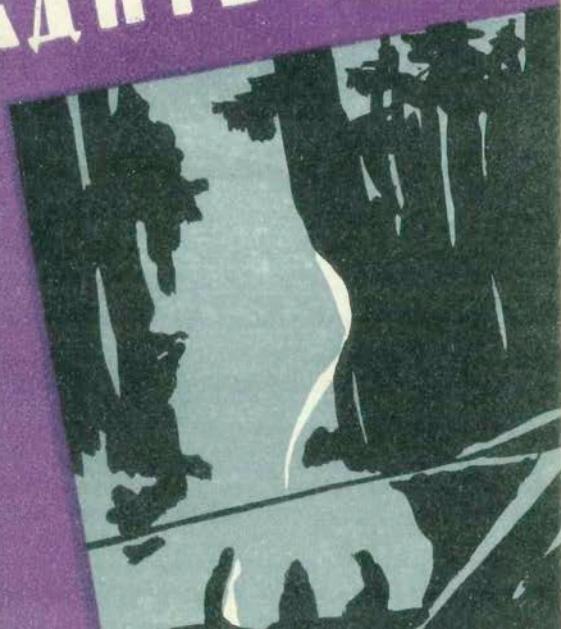

ЖДИТЕ ПИСЕМ

Анатолий Борисович Гребнев родился в 1923 году; детство его прошло в Тбилиси. Пятнадцатилетним школьником он принес свою первую заметку в комсомольскую газету и с тех пор связал свою жизнь с профессией журналиста. Он работает сначала в молодежной, затем, в годы войны, в военной печати, а с 1950 года, после окончания театрального института в Москве, в газетах «Советское искусство» и «Советская культура», где выступает как очеркист и театральный критик.

В течение многих лет А. Гребнев был связан общей литературной работой с известным партизанским командиром и писателем Д. Медведевым. Ими написана в соавторстве пьеса «Сильные духом», вошедшая в репертуар восьмидесяти театров. После смерти Д. Медведева А. Гребнев завершил его последнюю, неоконченную работу — книгу «На берегах Южного Буга».

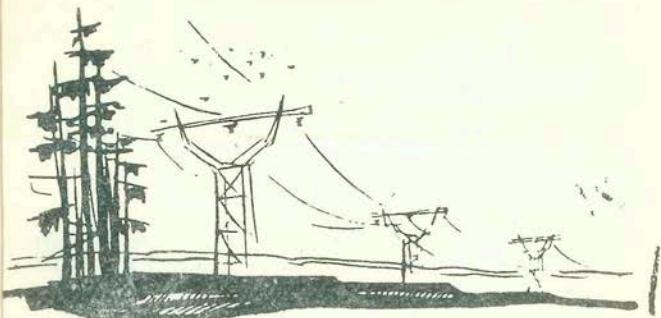
В качестве специального корреспондента газеты А. Гребнев много ездил по стране, был в разное время в целинных совхозах Алтая и Казахстана, на крупнейших энергетических стройках под Куйбышевом и Сталинградом, на строительстве Братской ГЭС. Как многие советские журналисты, он близко наблюдал историческое движение молодежи на восток, писал о нем в своих очерках и корреспонденциях. Этой теме посвящен и сценарий «Ждите писем» — первая его работа в кино.

АНАТОЛИЙ ГРЕБНЕВ

ЖДИТЕ ПИСЕМ

ПОВЕСТЬ ДЛЯ КИНЕМАТОГРАФА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Москва 1961

Начало этой повести вам хорошо знакомо. Каждый день от московских вокзалов отправляются поезда на восток, и, если вы пришли проводить знакомого или едете сами и до отхода поезда остается пять минут, вам представляется одна и та же картина: шумный перрон... пестрота человеческих лиц и движений... чей-то громкий зов, чей-то смех, чьи-то объятия и разлука... и о чем-то предупреждает репродуктор, сливая слова в один ровный гул... и невозмутимо стоят проводники у вагонов... и кто-то опоздавший протискивается через толпу.

Сквозь эту разноголосицу слышен голос рассказчика:

ВОТ И СЕЙЧАС, КОГДА ВЫ СМОТРИТЕ ЭТУ КАРТИНУ, ГДЕ-ТО ТАК ЖЕ ОХОДИТ ПОЕЗД. ВАШИ ДРУЗЬЯ, ВАШИ ДЕТИ, ВАШИ СОСЕДИ, КОТОРЫХ ВЫ ЗНАЛИ ЕЩЕ МАЛЬЧИШКАМИ И ДЕВЧОНКАМИ, ЕДУТ НА ВОСТОК, НАВСТРЕЧУ

СВОЕЙ НОВОЙ СУДЬБЕ... «ЕЩЕ МИЛЛИОН!» — СКАЗАЛА ПАРТИЯ. «ЕСТЬ МИЛЛИОН!» — ОТОЗВАЛСЯ КОМСОМОЛ. ИДУТ ПОЕЗДА С ДОБРОВОЛЬЦАМИ. ВСТРЕЧАЙТЕ НАС, НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ, ВСТРЕЧАЙ, СИБИРЬ! МИЛЛИОН МОЛОДЫХ СЕРДЕЦ, МИЛЛИОН ВОЛНЕНИЙ И НАДЕЖД. МИЛЛИОН ПИСЕМ В РОДНЫЕ КРАЯ...

Движутся, бурлят толпы на перроне.

СМОТРИТЕ-КА, ЭТЫ УЖЕ СОВСЕМ ПО-СИБИРСКИ... ДАЖЕ УНТЫ... СКОРЕЙ, СКОРЕЙ, СОЛДАТ, ОПОЗДАЕШЬ!..

Так ведет нас рассказчик вдоль состава. Разные лица. Разные жизни и страсти, мгновенно развернувшиеся здесь у всех на глазах. Мать провожает сына. Прощаются влюбленные. Девушка напрасно ищет глазами кого-то в толпе... А вот и песня. Группа молодых людей тесно окружила паренька с гитарой.

А ЭТО, КОНЕЧНО, СТУДЕНТЫ...

Поют громко, самозабвенно:

«Я не знаю, где встретиться
Нам придется с тобой.
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой...»

ГЕОЛОГИ,— определил рассказчик.—
А ЭТО...

Полный, лысеющий молодой человек с фотоаппаратом на груди, с раскрытым блокнотом в руках...

ВЫ, КОНЕЧНО, ДОГАДАЛИСЬ — КОРРЕСПОНДЕНТ...

И вот грянул оркестр на перроне. Мальчишки-ремесленники, надувая щеки, старательно поплевывают в трубы. Капельмейстер — длинный дядька в галифе — вдохновенно машет палочкой перед их носами. Получается бравурный марш.

Грянул оркестр, взлетели платки и шапки, двинулся поезд.

Машут, кричат вслед уходящим вагонам люди на платформе. Поднял над головой гитару студент-геолог.

Старается капельмейстер, деловито надувают щеки юные трубачи...

Уходит, удаляется поезд, оставив толпу на перроне.

ДО СВИДАНЬЯ, МАТЕРИ, ДО СВИДАНЬЯ,
ДРУЗЬЯ. ЖДИТЕ ПИСЕМ С НОВЫМИ АДРЕСАМИ!..

Вот тут мы и читаем впервые название этой повести:

ЖДИТЕ ПИСЕМ

В поезде своя, уже привычная жизнь. Сидят, прильнув к окнам, «режутся» в домино, читают, едят, пишут письма с дороги. Двое ребят у окна, кавказцы, тихо напевают свое, родное, выступившая пальцами затейливый ритм, и смотрят, смотрят на убегающие километры...

На верхней полке юноша, кое-как пристроившись с тетрадью, сосредоточенно что-то пишет. Задумался, отложил тетрадь.

Это он, наш рассказчик. Мы встречаемся с ним глазами.

ДА, НАША ИСТОРИЯ, КАК И МНОГИЕ ИСТОРИИ В НАШЕ ВРЕМЯ, НАЧИНАЕТСЯ С ПОЕЗДА. В ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПЕРЕСЕКЛИ ГРАНИЦУ ЕВРОПЫ И АЗИИ...

Бегут деревья, бегут километры. Юноша смотрит в окно. Над ним склонился, тоже смотрит, обитатель верхней полки — маленький, лопоухий, в военной гимнастерке со следами погон.

— Урал,— произносит он неожиданно солидным баском. И оборачивается к соседу — на верхней полке, рядом: — Гляди, как здорово!

Сосед не отзыается. Он лежит на спине, подперев руками затылок; длинные ноги свесились над проходом. Он смугл, черен, что-то цыганское в лице, блестят глаза.

— Что за интерес так лежать! — удивляется маленький.— Ничего не увишишь...— И, опять не дождавшись ответа, заявляет с усмешкой:— Интересно!.. У меня, может, таких сорок гавриков было, и ничего, отвечали, когда к ним обращался.

— Видать, большой начальник,— равнодушно замечает чернявый.

— Большой не большой, а катушка своя была. Что, не служил? Катушку не знаешь. К примеру, я старшина роты, старший сержант по званию. Могу тебя под арест до двух суток или нарядов пять штук...

Поезд замедляет ход. Станция, оркестр.

Сержант спрыгнул с полки, открыл окно, высыпался.

— Глядите, глядите! — кричит восхищенно.

Но тут в вагоне появляется лысеющий молодой человек с фотоаппаратом — уже знакомый нам корреспондент.

— Здорово, ребята!

Чернявый слезает в это время со своей верхней полки, в руках у него кружка. Человек с фотоаппаратом преграждает ему дорогу.

— Москвич? — И сразу, взяв за руку, усаживает чернявого и сам садится рядом.— Откуда? С завода?

— Ну, с завода,— с трудом говорит чернявый.

— А едешь куда?

— Куда все.

— В Сибирь,— поясняет сержант.— На стройку. Пороги — слыхали такое место?

— Еще бы! — И корреспондент уже записывает.— Значит, к Боброву. Знаете, кто такой Бобров?.. О, это знаменитый человек. Вам, братцы, повезло. И на какой участок?

— Вот.— Сержант протягивает свою книжечку — «комсомольскую путевку».— Станция Железногорск...

— На трассу, на самое трудное дело. Молодцы!

— А как же,— отвечает за всех сержант.

— Фамилия?

— Чижик,— с готовностью отвечает сержант.— Филипп Корнеевич.

Но корреспондента интересует чернявый.

— А тебя?

— Аксаров Владимир.

— Ну-ка, Володя... — Он уже нацеливает свой аппарат.

— Не надо,— просит Володя.

— Давай-давай, некогда. Сюда вот...

— Вот чудак,— не выдерживает сержант.— Да сюда, тебе говорят.

И еще один пассажир — парень лет тридцати, в кожаной куртке с «молниями», — вскочив с места, принимается «устанавливать» растерянного Володю.

— Улыбнется пускай! — предлагает миловидная блондинка с нижней полки.

— Улыбнись! Ну! — подхватывают голоса вокруг.

Володя натянуто улыбается.

— Ну и как, навсегда решил в Сибирь, на всю жизнь? — продолжает корреспондент, а сам все целится, целится зрачком аппарата.

— Там видно будет,— отвечает за Володю, дружески подмигнув ему, парень в кожаной куртке.

Вспыхнула лампа «молния», осветив смуглое, скуластое, с густыми, сросшимися бровями, лицо Володьки Аксарова.

— Вы бы и нас сфотографировали,— не без кокетства заявляет блондинка.

Корреспондент смотрит на нее с интересом.

— А вас как зовут?

— Меня? Римма.

Корреспондент целится. Вспышка лампы «молнии» освещает лицо Риммы. Что-то вызывающее в ее красе, в этих серых глазах, глядящих на вас чуть насмешливо.

— А меня — Ася,— сообщает другая обитательница нижней полки, оказавшись перед объективом.— Техник-строитель... Фамилию не надо, не пишите, фамилия трудная: Архиепископова.

У нее косички с бантиками, придающие лицу совсем ребячий вид.

Теперь представляются все по очереди. Одно за другим освещаются лица.

Сержант — Филипп Корнеевич Чижик, принявший весьма серьезный вид перед аппаратом:

— В газете будет? Пришлите тогда, не забудьте.

Парень в кожаной куртке:

— Леонид Невзанный, к вашим услугам. Можете записать: город Москва, третий таксомоторный парк....

И, наконец, наш рассказчик:

— Зовут меня Костя. Можно не записывать. Биографии пока нет. Десятилетка.

— Ясно,— резюмирует корреспондент.— Ну вот и познакомились. До свиданья, ребята! До встречи на Порогах!

Мчится поезд; тайга, расступаясь, провожает его с двух сторон.

И вот они уже стоят вместе у полотна железной дороги: Костя, Володя Аксаров, сержант Филипп Корнеевич в шинели, с солдатским мешком и гармоны в руках, Лео-

нид Незваный в своей куртке с «молниями», Римма, Ася. Только что сошли они с поезда, и, едва ступили на землю, умчался поезд, исчез, растворяясь в розовой дымке востока. Взошло солнце. Они молча стоят у полотна со своими чемоданами и рюкзаками. Нет никакого перрона. Нет даже станции. Стоит будка и столб с табличкой: «Железногорск». А кругом тайга.

За полотном, среди деревьев,— бульдозер с прицепом.

Тракторист — мужчина лет сорока, в комбинезоне, в высоких болотных сапогах — идет навстречу приезжим.

— Ну, орлы, садись, я — за вами.

— А где же стройка? — спрашивает Костя.

— Какая вам стройка?

— Ну, ГЭС.

— ГЭС? Это отсюда километров двести. У Порогов.

— Сколько?

— Двести.

— А Железногорск?

— Вот он, Железногорск... Будет.

Тронулся бульдозер, пополз по таежной просеке, среди высоченных сосен и елей.

— А что там дальше?

— Ничего. Тайга.

— А дальше? За тайгой?

— Опять тайга. До самого океана тайга.

Пополз бульдозер — под гусеницами кочки и корневища, топкая земля, прикрытая мхом.

ЧТО И ГОВОРИТЬ, ВСЁ РИСОВАЛОСЬ СОВСЕМ ИНАЧЕ...

Вот как рисовалось:

Панорама гигантской стройки на берегу сибирской реки. От края до края — кипенье работ. Шагающий экскаватор-великан раскрывает свой зев над ложем будущего обводного канала; еще секунда, поворот исполинской стрелы — и четырнадцать кубометров грунта с грохотом низвергаются в кузов могучего самосвала. И еще экскаваторы, еще, еще; длинная вереница самосвалов едва успевает принимать и увозить землю. Автомобили, краны и экскаваторы, бульдозеры и тракторы, скреперы и вагонетки — все в движении: и машины и люди. А рядом невозмутимо, как двести лет назад, несет свои воды река. На другом ее берегу, на высоком плато, ровной линией протянулись дома поселка.

НИЧЕГО ЭТОГО НЕТ...

Несколько палаток выстроились в ряд вдоль таежной просеки. Стоят у палатки наши друзья; быть может, им слышатся в этот момент бравурные марши, которыми их провожали...

Человек лет сорока пяти, невысокий, плотный, смуглолицый, с чертами, характерными для южанина, в куртке и сапогах, обводит рукой далекий, одному ему ведомый горизонт.

— Вот тут и будем с вами идти. Высоковольтную передачу тянуть. Ток на стройку

дадим... Ясно все? Я Саркисян. Начальник участка.

Молчание.

— Что, недовольны? — Покосился на Костю. — Вот у этого вид кислый. Ничего. Обживайтесь. Заработки высокие. Кто хочет работать, обижаться не будет.

— А где ж работать-то? — недоумевает Ленька Незваный. — Я ничего здесь не вижу. Я, например, водитель, шофер, первый класс имею.

— Пока придется лопату взять.

— Как — лопату?!

— Лопату, пилу, — невозмутимо продолжает Саркисян. — Валить лес, рыть котлованы. Потом бетон пойдет, потом опоры, потом провода... Еще вопросы?

Вопросов нет.

— Что, наобещали? — понимающе, даже сочувственно спрашивает Саркисян и все почему-то смотрят на Костю.

— Никто нам ничего не обещал, — говорит Костя.

— Вот и хорошо. Тайга, трасса, работа трудная. Зимой — мороз, летом — мошка, весной — грязь. Телевизора нет. Кто хочет с удобствами, может ехать на Пороги. Почет и уважение. Завтра дадите ответ.

К вечеру ребята уже обосновались у себя в палатке: поставили раскладные кровати, наладили печурку, даже стол смастерили; принялись ворошить вещи в чемоданах. Один

Ленька безучастно сидит на койке, не трогает свой чемодан.

Пришли девушки, критически оглядели палатку.

Ленька (иронически, подражая Саркисяну). Телевизора нет. Кто желает с удобствами...

Филипп (в том же тоне). ...Почет и уважение.

Ленька. В общем, берите, ребятки, то-поры да лопатки...

Ася. Ну и что?

Филипп. Ничего. Встретили.

Ася (Володьке Аксарову). А ты? Тоже шофер?

Володька смотрит на нее вызывающе безучастно, курит, молчит.

— Я тебя спрашиваю. Ты кто по профессии?

Володька (с усмешкой, снисходительно). А может, у меня ее нет...

Ленька. Вместе надо держаться. По специальности — и конец. А нет — до свидания. Люди везде нужны. В общем, вы как хотите, а мы решили.

Филипп. Ты за других-то не говори.

Ленька. Сам больше всех шумел. Вот народ!

Костя (не выдержал). Стыдно! Из-за денег! Будто врачи какие-то!

Ленька (поворнулся к Косте, встал). А ты кто такой тут?

Стоят друг против друга лицом к лицу.

Костя. Никто. Комсомолец.

Ленька. Ишь ты, чистенькие какие! Ты-то сам хоть рубль в жизни заработал? Десятилетка! Всякие тут маменькины сынки! Небось уже посылки из дому идут, варенье малиновое!

Молчит Костя.

Ленька. Нет, друзья, не пойдет. Не за тем ехали.

— А за чем ехали? — вдруг спросил Филипп, и сразу тихо стало в палатке.

Моросит дождь. Бригада — в тайге, на земляных работах. Кто лопатой, кто ломом долбят тяжелую, упорную твердь, отбрасывают комья, с трудом зарываются глубже, глубже. Изо всех сил орудует лопатой Костя. Плохо слушается — скользит, царапает землю лопата. Костя давит на нее всей тяжестью, он воюет — истово, отчаянно; он не дает себе передышки; в кровь растерты руки; пот катится по лицу...

ТАК НА ТРАССЕ ВЫСОКОВОЛЬТНОЙ ЛИНИИ, НА ТРЕТЬЕМ УЧАСТКЕ, ГДЕ НАЧАЛЬНИКОМ ТОВАРИЩ САРКИСЯН, ПОЯВИЛАСЬ БРИГАДА НОМЕР ДЕВЯТЬ... ТАКАЯ ЖЕ БРИГАДА, КАК ВСЕ: СНАЧАЛА ТРУДНО, ПОТОМ — НИЧЕГО, ПРИВЫКАЕШЬ... ЛОПАТА? НУ И ЧТО Ж! ЭТО ВЕДЬ ТОЛЬКО С НЕПРИВЫЧКИ... ЛОПАТА... И ТАЙГА — ДО САМОГО ОКЕАНА...

Глубже, глубже зарываются в грунт лопаты; землекопы по пояс в котловане; в их дви-

жениях, в мелькании лопат есть свой ритм — безостановочный, бесконечный, один и тот же и утром, и в полдень, и когда солнце смеется дождем, а день — сумерками.

Падают вековые деревья, уходит вперед и ширится просека. Дальше, дальше... Узкая щель — «визирка», прорубленная еще первыми разведчиками — геодезистами, указывает путь вперед. Хлещут ветки по лицам. Ноги вязнут в болотной жиже. С каждым шагом все глубже уходят ноги, оставляя следы, заплывающие водой.

Остановилась бригада.

Развернул карту Саркисян.

— Что такое, — щелкнул пальцем по карте, — здесь как будто не должно быть болот...

Задумался.

— Попробовать... До пикета добраться... Ну, кто самый смелый? Ставлю пол-литра!

— Нет, не пройти, — говорит тракторист, тот, что привез наших друзей на трассу.

— Не пройти, — подтверждает Ленька.

Вышел вперед Володька Аксаров. Взял веревку. Обвязывается.

— Шест какой-нибудь.

Подошел Костя.

— Постой!

Отнял веревку.

— А ты зачем? — удивляется Саркисян.

— А затем, что не надо ваших пол-литра, — заявляет Костя. — Нашли чем покупать!

И, обвязавшись, с шестом в руке, ступает вперед — в болото. Провалился по щипоколотку. Вылез. Еще несколько шагов — сно-

ва увяз. Попробовал вытащить ногу, уперся другой — провалились обе.

Услышал смех позади. Оглянулся — увидел смеющихся Леньку и Римму.

Еще, еще шаг. Отяжелели ноги, пудовая грязь прилипла к сапогам.

Провалился снова. Одна нога, потом другая.

НАВЕРНО, Я ПОКАЗАЛСЯ ИМ ВЫСКОЧКОЙ.
НО Я НЕ МОГ ПОСТУПИТЬ ИНАЧЕ...

— Тянуть? — крикнул все тот же Ленька. Костя, скав зубы, ползет, карабкается, цепляясь за кусты... Вперед, вперед. Еще метр, еще...

— Нет, не пройдем, — решил Саркисян. — Оставим до зимы, пускай подмерзнет. — Крикнул Костя: — Давай назад!

А Костя уже совсем близок к цели. Пополз быстрее. На корточках, на животе, меся руками грязь. Вот она, вот она, цель: маленький столбик с цифрой — пикет.

ЕСТЬ!

Схватился за столбик.

— Есть! — крикнул туда, назад. Саркисяну, Леньке — всем-всем. — Есть! Можно пройти!

Но уже удаляется Саркисян, уходит бригада, один Ленька стоит на прежнем месте с концом веревки в руках.

— Тянуть?..

Возвращается Костя, с ног до головы в грязи.

Ленька оглядывает его с откровенной ironией.

— Ну? Кому что доказал?

Дальше, дальше... Меняются дни, меняются места. Всюду сосны и ели в своем немеркнущем наряде, и лиственницы уже без игл, и березка, скромно приотившаяся в семье таежных исполинов, — и все это, что ни шаг, выступает в новых, неожиданных сочетаниях, взбирается на сопки, круто спускается в пади, расступается перед реками и лужайками. И всюду: на сопке, только что впервые тронутой лопатой, и на лужайке, где уже вырос бугор свежей земли, и на обычной просеке в таежной чаще — всюду один и тот же ритм: снова и снова, дальше и дальше...

Саркисян с бригадой на трассе.

— Еду. Бригадир у вас опытный, — кивнул на Асю. — Строитель, дело знает. Что еще нужно? Зарплату привезу, продукты...

— Письма, — подсказывает Римма.

— Письма... — Саркисян заметил Леньку: — Собирайся, едем.

Ленька прощается:

— Будь здоров, сержант! Будь здоров, Петрович!.. Как говорится, не поминайте лихом. Сами знаете, всякая рыба ищет, где глубже... До свиданья, девчата. Прощай десятилетка, не обижайся... Будь здоров, друг... — Отшел, закурил.

Вдруг грустно стало всем. И самому Леньке грустно.

Посмотрел на Римму, на сержанта. Бросил папироску. Тихо, Саркисян:

— А может, переиграем?.. Я, пожалуй, согласен. Подожду.

— Я не играю,— отрезал Саркисян.— У меня работа.

— Работа...— вздохнул Ленька.— У меня тоже работа... Только я человек техники, привык иметь дело,— он вертит воображаемую баранку,— с аппаратом. Вот, пожалуйста!

Он бросается к бульдозеру, отталкивает тракториста: «А ну пусти!»— и, усевшись на его место, берется за рычаги. Бульдозер на глазах у всех ползет к начатому котловану, врезается в грунт и выталкивает пласт земли вперед, вверх. «Вот это да!» — слышит Ленька, разворачивая машину.

Просветлел Саркисян, кивает в знак одобрения, оборачивается к Асе.

— Молодец! Вот так и будем!

Встречает Леньку.

— Теперь и я согласен. Будем работать. Дай пять!

Склонился над тетрадью Костя.

СЕГОДНЯ ДОЕДАЕМ ПОСЛЕДНИЕ СУХАРИ... САРКИСЯНА ВСЕ НЕТ... РОМАНТИКА... ДА НЕТ, КАКАЯ ТАМ РОМАНТИКА!.. Я ДУМАЛ, СЮДА ЕДУТ КАКИЕ-ТО ОСОБЕННЫЕ ЛЮДИ. А ЛЮДИ ОБЫКНОВЕННЫЕ. РАЗНЫЕ. КАК ВЗДЕ...

Рядом спит, похрапывает Володька. Возится с иглой, что-то пришивает сержант. Си-

дит у себя на койке тракторист, на коленях — альбом с фотографиями, обычный семейный альбом с завитушками. Сидит, рассматривает, вспоминает родню. Показывает Леньке.

— Это свояченица с мужем. А эта вот незамужняя. Между прочим, артистка. В Горьком сейчас. А вот это племяша. В атомном институте. А вот дочка.

— Ну-ка покажи. Твоя дочка?

— Ну да. Троє их у меня. Эта младшая. Дома, с матерью. Отсюда девяносто километров. До Уярска, считай, семьдесят и там двадцать...

— Молодец, молодец, Петрович,— небрежно-снисходительно хвалит Ленька, перелистывая альбом.— Ну, а покурить у тебя не найдется?

Петрович достает портсигар. В нем половина сигареты.

— Последняя?

— Ничего, кури.

Ленька закуривает и выходит. Дождь. Ленька направляется в палатку к девушкам. Девушки спят. Лежит, читает Ася.

— Что читаешь? — Ленька взял книгу.— «Железобетон и его применение». Увлекательный роман... Так вот, бригадир, что делать будем? Не едет твой начальник-то. Дома небось. Чай распивает.

Ася встала с койки, пошарила в шкафчике. Нашла сухарь, остатки сгущенного молока. Сняла с печки чайник.

— На поешь...

Вошел Володька.

— Садись, Аксаров,— сказала Ася.— Сейчас я вам еще кашу...

— Я не буду,— отрезал Володька и так поглядел на Леньку, что тот встал, оттолкнул ногой табуретку.

— Не надо. Мерси.

А на просеке, у тракторов, завязших в болотной грязи, мечется, кричит Саркисян:

— Еще, еще давай!..

Люди тащат к дороге бревна, кладут лежневку.

— Давай! — торопит Саркисян и сам хватает бревно.— Ну, ребята! Еще немного! По пол-литра на брата! Там люди голодные, работа стоит!.. Давай!..

Натужно ревут тракторы...

Дрогнула, качнулась, валится высокая лиственница. Утро. Дождь утих. Бригада в тайге. Костя и Володька Аксаров идут с пилой к новому дереву; за ними с рогатиной — сержант.

Взялись, примерились, начали...

Подошла Ася.

— Кто ж такие пни оставляет?

Перестали пилить. Володька выпрямился, оглядел ее иронически.

— Ниже надо брать,— сказала Ася.

И, не дождавшись ответа, краснея под насмешливо-снисходительным взглядом Володьки, сама взялась за ручку пилы.

— Ну-ка давай!

Володька хмыкнул и присел на корточки.

— Еще ниже,— сказала Ася, становясь на колено в мокрый, сочавшийся мох.

Начали... Быстрее, быстрее задвигалась пила. Володька смотрит с вызовом — это он задает такой темп. Ася не уступает. Еще быстрее! Всем размахом плеча, всем напором руки!..

И уже несколько человек собралось вокруг — смотрят, подзадоривают:

— Держись, бригадир!

— Смотри, загоняет! На голодный желудок-то!

Стиснула зубы Ася. Еще быстрей!..

Рухнула лиственница. Ася переводит дух.

— Гм,— замечает Володька, оглядывая ее с интересом, словно видит впервые. Расстегивает куртку, вспотел. Вокруг смеются.

— А рубашку постирать не мешает,— вдруг заявляет Ася.— Вот так!

Вечер в палатке. Сидят на койке Ленька и Римма. В углу возится с радиоприемником Филипп, рядом с ним — Костя.

Костя. Сейчас бы собраться, музыку послушать...

Ленька. А ты, я гляжу, веселый парень. Музыку! Сейчас бы поужинать. Да заодно бы позавтракать и пообедать. (Взял Римму за руку, взглянул на ее часы. Удивился.) Полпятого?

Римма. По-московскому.

Ленька. Интересно.

Римма. Посмотришь — и знаешь, что там сейчас делается.

Ленька (мечтательно). Полпятого... Скоро народ с работы пойдет... Половосьмого — в театрах начало. В эстраде — полдевятого. На Маяковской... Шляпа, галстучек, макинтош. Культурно...

Римма. У нас почтовое отделение до семи. Сбегаешь домой, раз-раз переоденешься... Сто лет не танцевала — сказать кому-нибудь!

Филипп (отставил приемник). Питание. Батареи менять.

Ленька. Хорошая работа на почте. Людей видишь. «Нет вам ничего, молодой человек. Пишут».—«А я и не жду. Я, девушка, к вам. Вас ведь, кажется, Риммой зовут?»

Смеется Римма.

Ленька (увлечен игрой, продолжает). «Вы что вечером делаете? У меня как раз два билета на Райкина».—«Гражданин, проходите, не создавайте очередь!» — «Ну так что, пойдем?»

Римма (подыгрывает). Спасибо, у меня вечер занят... Проходите, товарищ.

Ленька. Ровно в восемь — площадь Революции, где автоматы!

Римма (смеется). А ты откуда знаешь?

Ленька (в прежнем тоне). А я все про вас знаю... Такой видный из себя. В берете.

Римма. Ну уж прямо — в берете!

Ленька. Да, извиняюсь, он без шапки ходит. Мода новая... Вот сейчас (кинулся на

ее часы), сейчас он что делает? Обедает! Нет чтобы сесть письмо написать.

Римма. Чудак. Вот придет почта — посмотришь.

Ленька. Приехать обещал. Да?

Римма. А ты уж, правда, все знаешь.

Ленька. Профессия такая.

Тем временем сержант достал из чехла свою гармонь, уселся, заиграл. Полька!.. Сержант играет польку. Он делает это так же серьезно и прилежно, как и все в жизни; лицо его хранит степенную, даже какую-то торжественную строгость... Полька... Пришла на музыку Ася с подружками. Появился Володька, за ним — Петрович. Встала и закружила Римма. Не беда, что на одном месте, не беда, что без партнера, зато ведь музыка, полька, и сержант так торжественно, священнодействуя, играет на гармони...

Ася. Молодец Филипп. Еще что-нибудь.

Филипп. Вот только это, больше пока не знаю.

Римма. Радиолу бы сюда!

Ленька. Может, телевизор?

Ася. А ведь тут когда-нибудь такие города вырастут — даже трудно будет представить, что была тайга и палатки стояли.

Ленька. А мы где будем в это время?

Костя. А мы — строители.

Ленька. Строители...

Это слово, произнесенное со значением, явно относится к Косте. Ленька видит его ладонь, всю в ссадинах и кровавых мозолях; видят и Римма, и Ася, и Володька. Поймав

их беспощадные взгляды, Костя инстинктивно прячет руку. Смеется Ленька, смеется Римма...

А ся. Мы первые. Всегда кто-то должен быть первый.

Ленька. Спасибо!

Филипп. Вы зачем ехали-то?

Римма. Мало ли... Может, за счастьем.

Филипп. Тогда напрасно... Если там не было, то и здесь не будет...

Римма. Почему?

Филипп. Так... От человека зависит.

Костя. А ты зачем ехал?

Филипп. Стройка большая. Интересно.

Костя. А вы, Петрович?

Петрович. А чего? Работа хорошая, платят прилично.

Костя (Ace). А ты? Тоже за счастьем?

А ся. Нет. Счастья не существует. Всегда что-то не так. А после оглянешься — да вот же оно было!..

Под музыку, под неумелый аккомпанемент сержанта закружились пары. Не беда, что на одном месте, не беда, что тесно — повернуться негде, зато ведь музыка, полька, и так старательно перебирает кнопки сержант, и так упоенно кружится Римма...

Распахнулась дверь. Ветер влетел в палатку. На пороге, весь в грязи, — Саркисян.

— Я думал, они тут с голода умирают...

Окружили Саркисяна. Кто-то вносит ящики с продуктами — один, другой; кто-то появился в дверях с новенькой электропилой. И вот уже поплыло из рук в руки первое

письмо, и первый счастливчик, сержант, отходит в сторонку, нетерпеливо разрывая белый конверт с картинкой. Поплыли из рук в руки белые и голубые, серые и желтые, с картинками и без картинок — получайте, получайте, счастливчики... А вот и газеты, целая кипа газет, за все числа, со всеми новостями, старыми и новыми, — хватайте, смотрите... А вот и посылка — аккуратный фанерный ящичек, — ну, признавайтесь, кому это там варенье от мамы!..

Володька трогает за рукав Костю.

— Твоя.

Уже тихо в палатке. Застыла с письмом Ася. Читает, улыбается чему-то сержант. Читает, шевелит губами Петрович. Уткнулся в газету Ленька: «Смотри-ка ты, что делается!»

— Ну чего ты? — удивляется Володька, протягивая Косте посылку. — Забирай.

Кажется Косте, будто все кругом понимающие смотрят на него и на этот аккуратный ящик. Варенье от мамы!.. И Ленька, как назло, тут как тут. И Ася. И Римма. И сам Саркисян.

— Посмотрите хорошенько, — просит Римма Саркисяна. — Может, в той пачке.

Саркисян перебирает пачку, мотает головой.

Уходит Римма — медленно, ни на кого не глядя, думая о своем. Сматривает ей вслед Ленька.

А между тем уже накрыт стол посреди палатки. И консервы открыты, и хлеб наре-

зан, и кружки сгрудились вокруг дымящегося чайника. И уже сердится Дуся:

— Да что ж вы, ей-богу, остынет же все!

— Погоди, сейчас,— машет на нее Ленька.— Смотри-ка, сержант, «Динамо»-то, «Динамо» — четыре — один!

Читает, шевелит губами Петрович.

Читает, улыбается Ася.

Сияет сержант.

Ждет трапеза на столе. Стынет чайник.

Письма, письма, что вы делаете с людьми!..

Вернулись к себе в палатку — сидят, перечитывают письма Петрович и сержант. Вернулся Костя, пришла Ася. Костя раскрыл посылку: «Налетай, ребята! Яблоки!..» Один Володька безучастно лежит у себя на койке; нехотя отозвался на Костино приглашение, взял яблоко, положил рядом.

Подошла к нему Ася.

— Не получил письма?

— Не, — равнодушно ответил Володька.

— Что ж не пишут-то?

— Не пишут,— сказал Володька и зевнул.

— Кто у тебя в Москве?

Володька не ответил. Смотрит на нее безразлично.

Вошел Ленька. Деньги в руке.

— Кто еще не получал? Идите, пока дают. Поднялся Костя.

— Гм, смотри-ка, десятилетка, и ты, брат, за деньгами,— ехидно заметил Ленька.— А я думал, ты так... из высоких соображений... —

Подошел к Володьке, помахал перед ним деньгами.— Видал? Вся получка! Смех! Одни работают, другие речи говорят, а денежки поровну!

— Это действительно несправедливо,— сказал Костя и вернулся на место.

Ася смерила его недобрыйм взглядом.

— Что несправедливо?

— Я ведь еще не научился как следует,— спокойно ответил Костя.

— Учись,— резко сказала Ася.— А сейчас иди получай. Слышишь, что я сказала?

Пошел Костя.

Ленька. Хватит, поработали, (Володьке.) Уезжать надо. Слыхал — на Порогах-то? Все специальности нужны. И условия, и все... — Рванул чемодан из-под койки. Бросил туда какие-то вещи с тумбочки. Сел, задумался. Снова к Володьке: — Поехали?

— Скатертью дорожка! — гневно бросила Ася.

И ушла.

Ленька с шумом сбрасывает сапоги, валится на койку.

Покачал головой Петрович. Встал, подложил дров в печурку. Все еще занят своим письмом Филипп. В прежней безучастной позе лежит Володька.

Тихо скребет дождь по брезенту палатки.

Заняты письмами девушки. Обсуждают, перечитывают, переживают все сначала. Счастливые — вы теперь долго будете жить этой отрадой. В сотый раз перечитаете, в сотый

раз отзоветесь улыбкой на какие-то подробности, понятные вам одним... А когда сразу три письма, как вот у этой толстушки Дуси, три заветных листочка: один из дома, другой с фабрики, а третий... третий... — тут уж каждое слово надо обсудить с подружками да самой обдумать, что бы это значило, и как понять, и не обмоловка ли это... Худо, худо тому, кто не получает писем.

Дуся. Ну что ты; Римка! Из-за письма-то!.. Мало ли — заболел, уехал...

Римма. Нет.

Дуся. В дороге затерялось.

Римма. Не теряются...

Ася. И ты не пиши. Пусть помучается.

Дуся. А, станет он мучаться!

Римма. Почему?.. Нет, он не такой. У нас по-настоящему... Если б не родители...

Дуся. Твои?

Римма. Нет. У меня ведь — никого.

Ася. Не понимаю. Вот уж не стала бы переживать. Не пишет — и не надо. Значит, и недостоин, чтобы думать о нем.

Дуся. Еще как будешь думать!

Ася. Никогда в жизни! Если человек недостоин, если ты видишь, что он по своим моральным качествам... Это уж не любовь, а так... пережиток.

Римма. А ты все знаешь!

Дуся. Сама небось и не целовалась-то ни разу!

Ася. Почему вы решили?

Дуся. Ты, с твоим характером, и замуж-то не выйдешь!

Ася. Ну и не выйду. И не хочу. Очень надо кому-то белье стирать!

Римма. Оно и видно.

Она кивает на веревку в углу палатки, над печкой, где как раз и висит мужская рубашка.

Девушки смеются.

И тут совсем некстати появляется Володька Аксаров. Слышит смех, топчется на пороге.

Ася (весьма холодно). Заходи, Аксаров. Нá вот. (Бросает ему рубашку.) Возьми, не забудь.

Володька. Выти не можешь? Дело одно.

Ася (как назло, громко, чтоб все слышали). Что за дело?

Володька (все еще шепотом). За советом к тебе.

Ася (явно не желает говорить по секрету). А что мне тебе советовать! Бежать собирались — ну и бегите!

Володька. Да нет, ты не знаешь...

Ася. Не видел ты трудностей настоящих, вот что я тебе скажу!

— Ты видела! — горько отвечает Володька. Взял рубашку, ушел.

Ася ложится, раскрывает книгу.

— Дура! — в сердцах говорит ей Дуся, знаток человеческой души.

Ночь. Скребет дождь по брезенту палатки. Все давно улеглись, один Филипп сидит в

углу у печурки, склонился к огню, что-то разглядывает, читает. Не выдержал, так и хочется поделиться новостью...

Филипп. Письмо, понимаешь...

Костя. Из дому?

Филипп. Да нет.

Костя. От нее?

Филипп. От кого?.. Это нет. Я, брат, это так не люблю. Я жениться буду... Из части письмо. От командира. И газетка. Вот — «Боевое знамя». (Чиркнул спичкой, посветил.) Моя статья. Вот — Ф. Чижик... Понимаешь, письмо им туда послал, так они взяли и напечатали.

Костя. Ага. «По зову партии, по велению сердца».

Ленька. Слава. Кругом слава.

Филипп (недоволен). Я думал, спиши ты... Да нет, ребята, не то чтоб слава. А все же обидно — проживешь свой век... В армию попал — война давно кончилась... Один, правда, у нас в части, солдат... В общем, прыгали с парашютом, у взводного не раскрылся, так этот к себе его, за стропы. Спас. А я в это время уже приземлился. Дело случая. Или вот эти, четверо, в океане... Такие же ребята, один тоже, вроде меня, sergeant.

Ленька. В Москве-то сейчас вечер. Еще можно в кино на восемь тридцать...

Петрович. И здесь люди живут.

Ленька. Как жить... Вон на черноморском побережье снега нет вовсе. Точно тебе говорю. Солнце круглый год... Сержант!

Спиши ты, что ли?.. Не бросай, Володька, дай докурить...

Скребет дождь. Потрескивают дрова в печурке.

РОМАНТИКА, РОМАНТИКА, НЕУЖЕЛИ ТЕБЯ ПРИДУМАЛИ В КНИГАХ?..

Чиркнул спичкой, вытащил из-под подушки тетрадь, пишет в темноте Костя.

Поднял глаза. Филипп над изголовьем.

Филипп. Чего пишешь?

Костя. Так.

Филипп. Ты их мазью.

Костя. Что это?

Филипп. Руки... Вот возьми... У девятат раздобыл. Хорошая, помогает. Раньше с пилой, с лопатой не приходилось?

Костя (смущен). Почему? Работал.

Филипп. Ты, наверно, в институт подавал, и не вышло, да? Сейчас трудно...

Костя. Не подавал.

Филипп. А как? Прямо сюда?

Костя. Ну да.

Филипп. Мы тебя комсоргом хотим.

Костя. Меня?

Филипп. Тебя. Ты только не слушай этих... за счастьем которые... Работать надо.

Утро. Ленька с Володькой направляются к палатке Саркисяна.

— Главное: не робей,— учит Ленька.— Не имеет права. Обязан отпустить. У тебя специальность-то какая?

Володька останавливается.

— Нет у меня специальности.
— Как? Совсем нет? Ты ж где-то на за-
воде...

— На токаря учился.

— Не важно. Токарь шестого разряда. Не
имеет права!..

В этой палатке одновременно и контора и
жилище начальника участка. Стол, два табу-
рета, койка, печурка в одном углу, рация
в другом — вот вся обстановка. И еще один,
совсем неожиданный предмет — чемоданчик с
проигрывателем. Вертится пластинка, изли-
вается мелодия, далекий tenor погибает в
любовной тоске. Саркисян сидит за столом,
пишет.

Вошли Ленька с Володькой. Подождали,
пока кончится пластинка.

— Хорошая пластинка! — заметил Лень-
ка. — Я ведь тоже большой любитель...

Саркисян оторвался от бумаг.

— Машину поедешь получать. «МАЗ». Что
скажешь?

— Я... — начал Ленька краснея. — Я нет,
ничего... Вот зашел... Просто узнать...

И — стушевался, предательски оставляя
Володьку лицом к лицу с Саркисяном. Во-
лодька стоит в замешательстве, не зная, как
же теперь поступить и что сказать.

А Саркисян тем временем, вспомнив о че-
мто, тянется к койке за журналом; в журнале
кроссворд, над которым он трудился. Закрыл
журнал обложкой; на обложке — портрет.

— Ты?

Володька с изумлением узнает себя на об-

ложке журнала. Улыбающееся лицо во всю
страницу.

— Вот это да! — восклицает Ленька.—
Ну-ка разрешите...

Саркисян отдает журнал, а сам берется
за пластинки; их у него целый ящик.

— Смотри-ка!.. — Ленька читает, повторяет
вслух: — «Ветер больших дорог»... «С ком-
сомольским огоньком»... «Даешь самый труд-
ный участок! — сказал Володя Аксаров и его
товарищи».

Вертится пластинка. Пoет tenor. С лука-
вым интересом смотрит Саркисян на потрясен-
ного Володьку.

— Можете взять на память.

Володька бросил журнал и заспешил
прочь из конторы.

Теперь к Саркисяну заходит Костя. Столк-
нулся в дверях с Володькой.

— Что скажете? — встречает его Сарки-
сян. И, не дав вымолвить слово, заявляет же-
стко: — Я никого не держу. У меня работа,
деньги платят. Кого не устраивает, могу дать
расчет.

— Я насчет книг, Эдуард Михайлович,—
говорит Костя виновато.

— Каких книг? — хмурится Саркисян.

— Обыкновенных. Читать. И еще батареи
для приемника...

— А почему ко мне?

— А к кому же?.. Это очень важно, Эду-
ард Михайлович. Мы здесь, как в походе.
А нужно, чтобы была не времененная, а нор-
мальная жизнь. Читать, учиться...

Саркисян воззрился на него с любопытством.

— А это, дорогой, для кого как... Вот у меня сейчас этот... шофер был. И с ним другой... Увольняться приходили. Вот эти не временные. Они останутся. А вы, молодой человек, временный.

— Почему?

— Так. Вижу.

— Почему? — повторяет Костя, краснея от обиды.

— Так. Я не верю в романтику, дорогой. Это все из книг. Этого горючего хватает на месяца... Книги? Хорошо, постараюсь.

Вертитесь, поет пластинка.

По просеке, разбрызгивая грязь, мчится самосвал.

КОГДА ВЫ ПОЛУЧИТЕ НАШИ ПИСЬМА, МЫ БУДЕМ УЖЕ НА НОВОМ МЕСТЕ — ГДЕ-ТО ДАЛЬШЕ В ТАИГЕ. ЭТО БУДЕТ УЖЕ ЗИМОЙ, КОГДА СТАНУТ РЕКИ, ПОДМЕРЗНУТ БОЛОТА И РУЧЬИ... А ДО ТЕХ ПОР НЕ ЗНАЮ ДАЖЕ, ДОЙДЕТ ЛИ ОТ НАС ВЕСТОЧКА...

Мчится самосвал. Таежная дорога в колдобинах бьется под колесами.

В кабине — Ленька. Вот он и получил обещанную машину. Легко и проворно, словно не тратя никаких усилий, словно даже не замечая самой дороги, думая о другом, управляет Ленька своим новеньkim «МАЗом»: то прибавит газу, то притормозит, то вдруг резко вывернет колеса, объезжая бурелом.

Он подъезжает к котловану, где идут бетонные работы. Лихо тормозит.

Из кузова самосвала сыпется гравий.

— Запиши двенадцать, — бросает Ленька Асе. Увидел Римму, удивился: — Смотри-ка!

Весело работает Римма, машет, кричит кому-то:

— Что вы там спите?

— Смотри-ка, — повторил Ленька. И направился к ней.

Он явно заинтересован, он не прочь «пухаживать», но Римма использует это по-своему.

— Лёны!.. Просьба к тебе...

— Что, за письмами? — сразу понял Ленька. — Смотри-ка, от меня вот никто так писем не ждет.

— Попробуй, а?

— Чудачка, трактор и то не пройдет, — сказал Ленька.

Они сели втроем в кабину самосвала — Ленька, Римма и Филипп, и по дороге Римма снова заговорила о своем.

— К нам на почту девушка одна приходила, и все нет и нет ей письма. Уже и спрашивать перестала — по глазам видит... А как-то раз — телеграмма. А она, как назло, не приходит...

Слушает Филипп.

— Это уж совсем обидно: лежит телеграмма, и что-то в ней — может, судьба человека.

Мчится машина по таежной дороге.

— Зима, товарищ Кочкин, зима! — сообщает Саркисян кому-то невидимому.— Зима, я говорю!

— Не понимаю,— отзывается сквозь свист и шорох далекий голос.— Какая зима? У нас никакой зимы.

Мигает глазок в динамике у радио.

— Вот это и плохо,— замечает ему Саркисян.— Где машины? Где цемент? Где валенки?

— Ничего не слышу,— хрипит голос в динамике.— Третий, третий!.. Ничего не понимаю. Какая зима? Что, снег?

— Когда будет снег, поздно будет.

— К вам не проедешь! — жалуется голос в динамике.— Третий, третий!.. Не слышу. Помехи.

Удивленно мигает глазок.

— Вот именно. Помехи! — усмехается Саркисян и выключает радио.

На пороге палатки — Филипп. Стоит, слушает.

Филипп. Все обещает?

Саркисян. Кто?

Филипп. А этот, по снабжению. Шугануть их там... Я бы на вашем месте...

Саркисян. Вы пока на своем. Что вам нужно?

Филипп. Я б на вашем месте — к самому Боброву... А пришел я сказать, что на почту собрался. Может, что надо...

Филипп надевает болотные сапоги Петровича. Вся бригада в сборе. Петрович снаряжает, напутствует и тревожится:

— Смотри, парень, тайга шутить не любит...

А спички у тебя где? Ты их сюда, поглубже...
А нож?.. Ты смотри — с огнем-то построже...
А топорик?.. Главное — не запутал бы...
И чего это ради, что там за срочные письма тебе?..

— Нужно, Петрович, нужно,— бормочет Филипп.

Раннее утро. Филипп идет по тайге.

Дикая, нетронутая, заросшая тайга. Идет Филипп. Остановился, достал из кармана компас, смотрит, смотрит на него, морща лоб. Пошел дальше.

Падает мокрый снег. Филипп поднял капюшон плаща, прибавил шагу...

Старая сибирская деревушка. Ветер раскачивает лампочку над избой, хлопает вывеской: «Почта».

Две девушки разбирают стопки писем, передают Филиппу. «Ого», — говорит Филипп, набрав целую пачку. Просматривает, удивляется чему-то. Перебрал все, не нашел письма, за которым шел.

— А больше нет? Может, там где завалюсь? Базановой — посмотрите.

— У нас, товарищ, ничего не валяется, — внушительно отвечает девушка и все же перебирает стопку заново. — Нет. Пишут.

Филипп просматривает газету. Переводит взгляд на телефон, висящий за стойкой на стене.

— Работает он у вас?

Девушка смотрит на него с суровым удивлением.

— А как вы думаете?
— Можно позвонить?
— Звоните.

Филипп крутит ручку аппарата, снимает трубку.

— Алё. Станция!.. Девушка, управление мне... Управление? Мне товарища Боброва.

— Кто спрашивает? — раздается в трубке.

— Спрашивает Чижик. Чи-жик. Фамилия.
— Откуда? — гудит трубка.
— Как — откуда? С почты я говорю.
— По какому вопросу?

Филипп морщит лоб.

— По вопросу снабжения. Ведь что получается...

— А вы с Кочкиным разговаривали? — нетерпеливо спрашивает трубка.

— С каким Кочкиным? Мне товарища Боброва.

Трубка что-то говорит в ответ, но Филипп уже дернул рычаг.

— Алё. Кочкина мне.

— Какого Кочкина? — удивляется голос в трубке.— Куда вы звоните?

— Алё! Станция! — снова начинает Филипп.— Что такое? Замолчали... Алё!
Повесил трубку.

— А телеграф у вас есть?

Девушка протягивает бланк.

«Управление строительства, Боброву» — выводит Филипп крупным почерком... И добавляет сверху: «Срочная».

Пошел быстрый снег.
И сразу налетел, понес, закружил его шалый ветер.

Понеслась, закружила пурга.

Началась пурга, доставив нешуточное беспокойство бригаде: нет Филиппа.

— Управление, управление! — взывает Саркисян к радио.— Свяжитесь с Касьяновкой, с почтой. Вы слышите меня?.. Управление!..

Вышла из палаток вся бригада, факелы в руках. Метет, кружит пурга, ничего не видно.

— Далеко не расходись! — командует Саркисян. И уже кличет кого-то: — Эге-гей!

С факелом в руке взбирается на дерево Петрович.

Вспыхнул факел на вершине сосны. Поодаль — другой, третий.

Метет, кружит пурга.

— Эге-гей! — разносится в тайге.

— Управление, управление! — взывает Саркисян.— Прошу выслать вертолет.

Когда пурга стихает, люди выходят на поиски: впереди — Петрович, за ним — Костя, Ленька, Володька...

Занесло снегом машину — «газик»-вездеход, застигнутый пургой на таежной дороге. Урчит, ревет мотор; два человека сзади толкают машину. Мы узнаем нашего сержанта; он весь в снегу, раскраснелся от натуги. С ним большой, широкий, крепкого сложения человек в полушибутке дубленой кожи, в унтах.

— Взяли! — командует сержант.— Еще

раз!.. Да нет, давайте по команде... Ну! Раз, два, взяли!..

Буксуют колеса, глубже зарываются в снег.

Филипп лезет под машину, разгребает снег под колесами.

— Кто ж так выезжает — ни цепей, ни лопаты?.. Это вам не проспект... Ну-ка, еще раз!

Шофер — тоже полный, солидный, в таком же полушибке, таких же унтах — тащит охапку хвороста, кладет под колеса.

— Давайте! — приказывает сержант.— Ну! По команде!..

Взревела, тронулась машина.

— Ну вот, видите,— обращается сержант к человеку в унтах.— А говорят — не проедешь...

Они сидят рядом в кабине. Мчится «газик» по таежной дороге.

— Гнать надо этих снабженцев,— продолжает сержант.— Сидят по кабинетам. Больше штанов проторли, чем валенок... Тракторы обещают, а где они?.. Вы случайно не по снабжению?

— Отчасти,— говорит незнакомец.

— Как ваша фамилия?

— Бобров.

— Вы? Бобров?..

Из-за деревьев навстречу машине — Петрович с ребятами.

Остановили машину. Вытащили сержанта, трясут за руки.

— А что такое?.. Почему?.. — недоумевает

сержант.— Я себе сел, переждал, а тут, вижу, машина...

...Саркисян у микрофона:

— Не надо, не надо вертолета!..

...Филипп в палатке, среди друзей. Раскрыл свою полевую сумку, протягивает письмо Петровичу. Еще письмо — Дусе. Еще письмо — Косте.

— Сам-то хоть получил? — спрашивает Петрович.

Филипп мотает головой.

— Пишу.

Увидел Римму. Встретились глазами. Все поняла, грустно кивнула Римма...

— Аксаров, Аксаров! — вспомнил сержант и полез в сумку.

Володька удивлен, даже почему-то встревожен.

— Мне?

Сержант высыпал из сумки еще целый ворох писем.

И весь этот ворох — белые, желтые, голубые, с картинками и без картинок — уносит из палатки, на виду у всех, оторопевший Володька.

На трассе, в заснеженном котловане, Бобров знакомится с бригадой.

— Это вот он у нас бульдозер приспособил,— представляет Саркисян Леньку Незваного.— Молодец, на все руки мастер.

Ленька польщен. Усердно жмет руку Боброву.

— Ну что, ребята,— весело бросает Бобров,— успеем за зиму болота пройти?

— Успеем! Пройдем! — бодро отвечает за всех Ленька.

— Смотрите, надеется на вас стройка! — продолжает Бобров, испытующе глядя на Леньку.— Ток нужен. Ждем, не можем развернуться. А уж нас-то ждут все кругом. Вся здешняя семилетка. Там,— он указывает кивком,— руда, там — уголь, металлургия, там — алюминий, и все ждут нас, нашего тока. А мы — вас ждем. Не подводите!

— Не подведем! — заявляет Ленька.— Сделаем! Вы нам только машины...

— Будут машины! — весело отвечает Бобров.

И тут выступает вперед сержант.

— Когда же это будут? Слышим который месяц!

— Электропилы обещали,— подхватывает Ася.

— Столовую! — еще чей-то голос.

Бобров умиrotворяющe и весело машет руками.

— Все будет, все получите, потерпите. Вы же комсомольцы, народ боевой, ехали не на легкую жизнь, правда?

Сразу смолкают голоса.

— Да мы... — это сержант взял высокую ноту,— да мы... да если трудности, мы — по-жалуйста, мы — ничего...

— Ну вот, молодцы,— сказал Бобров и уже собрался идти с Саркисяном, как снова — сержант:

— Телеграмму я посыпал на ваше имя. Так вы, пожалуйста...

— Посмотрю обязательно.

— Да нет... — Сержант хочет сказать, что теперь уж не надо смотреть его телеграмму, и что-то еще хочет добавить Ленька, но уже останавливает беседу повелительный жест Саркисяна:

— Всё. Хватит. За работу... Вы слышали, что я сказал?..

Со своей пачкой писем уединился Володька Аксаров — ушел в сторону от котлована, подальше, за деревья; стоит, читает.

«Привет из Сталинграда! — читаем мы вместе с ним.— Дорогой Володя, я прочел о тебе в журнале и решил написать. Я тоже строитель, работаю на экскаваторе «Уралец»...

Другое письмо:

«Многоуважаемый тов. Аксаров! Воины нашего подразделения шлют вам свой пламенный солдатский привет...»

И еще письмо:

«...Прошу сообщить, какие у вас условия, можно ли приехать, с семьей или одному...»

И еще:

«Добрый день или вечер, Володя. С приветом к вам Тамара...»

Из письма вылетает фотокарточка. На карточке худенькая девочка со вздернутыми косичками.

Где-то близко проходят люди, слышны го-

лоса. А Володька стоит один; коченеют руки на холода; он распечатывает письма, одно за другим, и время от времени озирается — не видит ли кто.

...Вечером Володькины письма оказались на столе перед Асей. Ася читает, Володька стоит за ее спиной. Они одни в палатке.

— Ничего, симпатичная,— авторитетно замечает Ася, рассмотрев девочку с косичками.— Что ты ей ответишь?

Володька пожимает плечами.

— А им? — Ася перебирает письма.

— А чего им отвечать,— хмуро бормочет Володька.

Ася оборачивается к нему, удивленная.

— Люди тебе от чистого сердца...

Хмурится, молчит Володька.

— Ну что, писем не писал?

Володька ходит из угла в угол, молчит; вдруг резко:

— Не писал. Не буду... Не мне эти письма.

И продолжает ходить. Заметил на койке книгу, рядом — другую, обе раскрыты. Взял, посмотрел: «Железобетон и его применение». Взял другую, потрепанную.

— Положи, — требует Ася.

Но Володька уже читает.

— Оставь, слышишь! Положи!

— «Принцесса», — мягко отвечал граф, обнажая шпагу, — пронзите мое сердце, но не томите...» — читает вслух Володька.

— Не смей! — Ася подбежала к нему, пытается вырвать книгу.

Володька отстраняется, продолжает:

— «Граф, пощадите меня! Вы видите, я страдаю!» Вот интересно! Дай почитать!

Ася вцепилась в книгу, не отпускает; книга оказывается на полу, разлетаются ветхие, разрозненные листки.

И в этот момент в палатку возвращаются девчата.

Ася, пунцовав от возмущения, кое-как собирает книгу. Володька торопливо рассовывает по карманам письма.

— Надо тебе, друг, за учебу взяться,— официально и вдобавок беспощадно громко говорит Ася.— Хоть за семилетку сдать. Читать побольше...

— «Принцесса, пощадите меня!» — вызывающе отвечает Володька и уходит.

Дуся с сожалением глядит на Асю.

— Дура!..

— Привыкли, привыкли мы, дорогой Виктор Иванович, к этим самым объективным причинам,— говорит Саркисян, меряя шагами палатку и все больше распаляясь.— Видишь, как мои ребята: «Трудности? Пожалуйста!» А мы и рады: ах, какие ребята, золотой народ, ничего не требуют... «Трудности! Механизмы едут третий месяц — «трудности». Кочкин подвел — тоже «трудности»!

Виктор Иванович терпеливо слушает, что чертит на листе бумаги.

— Ладно. Приедешь — разберемся, вызову людей.

— Мне некогда разъезжать.

— Я вижу, издергался ты тут,— замечает Виктор Иванович.— Потерпи еще немножко, Благову месяца два осталось до пенсии, думаю — тебя на его место.

— Спасибо,— буркнул Саркисян.— Я с трассы не уйду.

— Ты взял неправильный тон,— морщится Виктор Иванович.— Ну что ты за человек, Саркисян! Знаю тебя тысячу лет, начинал у тебя, ты все такой же. Будет очень обидно, если мы не сработаемся.

— А я не у тебя на службе! — взрывается Саркисян.— Мне с государством надо сработать!

И в такой момент в дверь просовывается голова Кости.

— Я занят! — кричит Саркисян и сам захлопывает дверь.

— Жалуются на тебя,— говорит после паузы Виктор Иванович.— Кого-то там обляял в управлении...

— Возможно.

Но Виктор Иванович упорно возвращает беседе мирный лад. Отхлебнул чай из кружки.

— Лена пишет?

— Давно не получал. Замуж вышла.

— Да ну! Поздравляю. Кто зять-то?

Саркисян махнул рукой.

— Инженер какой-то.

— А у меня, брат, тоже история... Сашка женился... Представляешь? Девятнадцать лет

парню!.. Анюта в панике... А что можно изменить?..

— Годы идут,— вздохнул Саркисян.— На Каме, помню, вот такой бегал...

— Подумай, Эдуард. — Бобров оглядел палатку.— Хватит с тебя трассы. Лену с мужем возьмешь, устроитесь...

— Нет, — сказал Саркисян.— И кончим этот разговор.

Он подходит к рации, включает рубильник.

— Управление, управление!.. Я третий... третий...

Голос в динамике. Слушаю — управление.

Саркисян. Кочкина.

Голос. Слушает Кочкин.

Саркисян. Я Саркисян. У меня начальник строительства. Доложите ему, где тракторы.

Голос. Я вам докладывал, Виктор Иванович. Что касается тракторного парка...

Бобров. Двадцать тракторов третьему участку!

Саркисян (Боброву). Двадцать пять.

Бобров. Побойся бога, Эдуард Михайлович...

Голос. Виктор Иванович, не проехать же...

Бобров (грозно). Проехать! Вы слышите меня, Кочкин? Проехать! Гоните ваших людей на трассу, они у вас больше штанов износили, чем валенок! Я сниму вас с работы, Кочкин, вы слышите меня?

Голос. Так точно. Слыши.

Бобров. Двадцать два трактора третьему участку. У меня всё...

Устало опустился на табурет. Отхлебнул из кружки.

— Черт,— сказал Саркисян.— Одолел!..

...У машины оживленно беседуют Ленька и солидный шофер. Завидев издали начальство, шофер привычно заводит машину. Бобров и Саркисян прощаются.

Укатила машина.

Саркисян замечает Костю и Леньку и внезапно накидывается на обоих:

— А у вас что, праздник? Что, работа кончилась? А ну марш!

...Вертится пластинка, гремит симфония. Саркисян лежит на койке. Вошел Костя.

Костя. Извините, Эдуард Михайлович. Я все слышал. Я понял.

Саркисян. Что понял?

Костя. Мы ведь вас не любим.

Саркисян. Я не тенор из оперы.

Костя. Да. Голос у вас хриплый. Кричите. Вы ведь не такой.

Саркисян. Такой.

Костя. А вы не пробовали с людьми по-другому? Ведь как ехали сюда — гордые, крылатые! И не просто линию передачи — жизнь свою строить.

Саркисян. Это все лирика, Костя. Я не поэт, я строитель. Дочка у меня в Ленинграде, в консерватории. Похожи вы с ней.

А мой дом здесь. И строить мне надо линию передачи. И от людей мне надо, чтобы люди работали.

Костя. А людям от вас?

Поют скрипки на пластинке.

Саркисян. А людям от меня тоже трасса нужна.

Костя. У вас неприятности?

Саркисян. Что ты, Костя! Наоборот! Хороший был разговор! Получим, что надо. Остальное — лирика, дорогой Костя. Романтика. Отвыкай, если хочешь стать строителем.

Черная цепочка нисходит к нам с горизонта по снежной дороге. Колонна тракторов, как колонна танков, ползет по просеке, подминая сугробы, оглашая своим рокотом тайгу.

Тут, в бригаде, тоже перемены. Вот готовый, обшитый опалубкой котлован — не здесь ли, было время, воевал с лопатой Костя; теперь, с той же лопатой в руках, он работает у бетономешалки; перед ним — движущаяся лента транспортера, за спиной — горка гравия на снегу, бумажные мешки с цементом.

Привычными движениями бросает Костя на ленту новые и новые горсти цемента и гравия. Ползет лента; гудит вся грузная кухня бетономешалки; тяжелая, вязкая масса, курясь теплым паром, валится из желоба; девушки-бетонщицы, вооружась лопатами и вибраторами, плотно укладывают ее в котлован.

Холодно. Костя потирает озябшие руки.

Заметил, как пританцовывает Римма, бросает
ей весело:

— Двигаться, двигаться надо!
И снова берется за лопату.

А тракторы все ближе. И теперь мы видим,
что каждый из них тащит за собой санный
прицеп. На санях — металлические секции
опор.

Догоняет их новенький «МАЗ» Леньки
Незваного.

— Алло! — кричит Ленька трактористам. —
Больше жизни, ребята! Кого на буксир?..

В кузове у Леньки — мешки с цементом да
еще палатка и железная печка. Все это мгно-
венно выгружается («Давай-давай, неког-
да», — торопит Ленька). Тут же вырастают
столбы, натягивается палатка над котлованом,
пристраивается печка.

— Только смотри, — напутствует Ася Костю, —
взялся дежурить, так уж давай не спи.
Чтоб горела всю ночь. Бетон холода не любит.

— Я тоже не люблю, — отвечает Костя.

...Ночь. В палатке над котлованом жарко
топится печурка. Костя один. Пристроившись
с тетрадью возле печки, он пишет. Услышал
шорох, насторожился. Показалось — кто-то
снаружи прикоснулся к брезенту палатки.
Встал, прислушался. Открыл дверь. С порога
влетела в палатку метель. Вернулся к печке,
подложил полено.

ВОТ ЭТО И ЕСТЬ НАША ЗИМА... САМОЕ ГОРЯ-
ЧЕЕ ВРЕМЯ... ПОКА ЛЕД И СНЕГ, ПОКА МОЖНО
ПРОЙТИ...

...Тусклое морозное утро. Ася с Сарки-
сяном у палатки.

— Пока можно пройти... — повторяет Ася.
Саркиян вертит в руках градусник.

— Не имею права.

Столбик ртути совсем низко — у цифры
«50».

— Странно. Совсем не чувствуется, — за-
мечает Ася.

— Воздух такой. Сухо. Но видишь — не
имею права посыпать вас на работу. Но вы...
вы, конечно, имеете право выйти и...

— Договорились! — улыбается Ася.

— Нет, мы не договаривались. Это ваше
личное дело.

— Ясно!

— И учтите, можно обморозиться. Это не
шутки.

— Ясно! — весело повторяет Ася.

И тут расцветает Саркиян. Счастлив.
Сияет.

— Ах, какие вы у меня молодцы, какой
народ! Клянусь честью — так и скажи ребя-
там: все для вас сделаю! И премии, и что
угодно! За мной не пропадет!

— Это — нет, это я им не скажу, — отве-
чает Ася уже без улыбки.

...Полдень. Высокое холодное солнце над
тайгой. Сверкают покрытые тонкой наледью —
куржаком — ветви сосен и елей. И вот дрог-
нула вершина громадной сосны, дрогнула и
повалилась сосна, поднимая клубы снежной
пыли.

Володька Аксаров с электропилой и Филипп с рогатиной пошли по сугробам к следующему дереву. Потанцевали, похлопали друг друга, согрелись, и снова застремкотала пила в руках у Володьки, и уперся в ствол своей рогатиной сержант...

А ту, предыдущую сосну, поверженную среди тайги, уже поволок за собой бульдозер Петровича...

Рядом, посреди просеки, у костра, работают отбойные молотки и лопаты: люди крушат, долбят, рвут мерзлую землю.

В этот морозный полдень над головами землекопов, лесорубов, бетонщиков, над самой тайгой разнеслось звонкое, ликующее:

— Почта! Почта приехала!

Смолкли пилы. Остановились моторы. Замерли тракторы. Прошло, наверное, одно мгновение — и уже бежали люди на крик.

«МАЗ» Леньки Незваного — это он привез письма — остановился у бетонщиков, рядом с их палаткой. И уже — пока мы успели туда добежать — обступила, стиснула Леньку вся бригада. Плыют из рук в руки долгожданные конверты — белые, желтые, голубые, с картинками и без картинок. И сразу все выясняется, сразу начинает редеть толпа, делясь на тех, кому сегодня улыбнулось счастье, и тех, кому всё еще «пишут».

Разошлись письма, разбрелись счастливцы и неудачники, и одна Римма осталась перед Ленькой в немом ожидании — Римма, грустно приплясывающая от холода.

— Танцуй! — сказал Ленька.

Остановилась, застыла Римма.
— Танцуй! — повторил Ленька.— Ну!
И, не дождавшись ответа, отдал ей письмо.

Зашумели девчата, окружили Римму.
— Вот видишь,— сказал Костя,— счастье улыбается всем по очереди. Сегодня — тебе!
— Сегодня всем! — провозгласил Ленька.— Кино привез!

Римма разорвала конверт. Прочла.

ЧТО ТАКОЕ? УЛЫБНУЛОСЬ СЧАСТЬЕ? НЕТ. НЕ ПОХОЖЕ...

Римма спустилась с пригорка и медленно пошла вдоль дороги, навстречу идущим тракторам.

А вдогонку ей, врываясь сквозь гул тракторов, плывет знакомый голос.

Голос Кима. Видишь, какие обстоятельства... а то бы я, конечно, давно приехал... Ты только правильно пойми — такие обстоятельства...

И вторит ему голос Риммы:

— Такие обстоятельства...

Голос Кима. Ты чудачка. Надо проще смотреть на жизнь...

Голос Риммы. Чудачка...

Голос Кима. Я давно тебе говорил...

Голос Риммы. Проще смотреть на жизнь...

Голос Кима. Проще смотреть на жизнь!.. Ты только правильно пойми — такие обстоятельства...

Голос Риммы. Такие обстоятельства...
Гудят тракторы.

А в палатке у ребят засветился экран из двух простынь. На койках, на тумбочках, на столе, сдвинутом в сторону, сидят, прижавшись друг к другу, зрители.

На экране из двух простынь, томясь и ликую, поет о своей любви далекая аргентинская девушка.

И голос ее звучит над палаточным городком.

Одна Римма осталась у себя в палатке. Заглянул к ней Костя. Постоял и ушел — не до него сейчас Римме.

Заглянул сержант. Позвал тихо:

— Римма!

— Уйди, — сказала она.

За дверью сержант столкнулся с Ленькой. Попросил:

— Не ходи.

Ленька приоткрыл дверь, заглянул, вошел. Римма лежит на койке, рядом валяется письмо.

Вышел Ленька. Посмотрел на сержанта.

— Иди, там картина хорошая.

— Не надо, — твердо сказал сержант и взялся за ручку двери.

Ленька засмеялся.

— Эх, пехота! Учись обращаться с женским полом! Вот так! — Он крепко обнял сержанта, приподнял его и, повернув, отставил от двери.

— Иди. Иди, говорю...

А сам решительно направился к Римме, отложил письмо, уселся рядом.

Сержант постоял, подождал — Ленька не выходит. Холодно. Потоптался, подождал еще и побрел к себе.

Поет, томясь и ликуя, влюбленная девушка из Аргентины.

Ленька. Холодно тебе?

Римма. Уходи.

Ленька. Нет.

Набросил ей на плечи свой полуушубок.

Римма. Леня, ты мне можешь помочь, как друг?

Ленька. Скажи.

Римма. В Москву мне надо.

Ленька. Никогда в жизни.

Римма. Что мне делать, Ленька, что делать?

Ленька (*берет письмо, рвет на клочки*). Вот так.

Римма. Ой, нет!

Она дрогнула и, пряча слезы, уткнулась в грудь Леньке. Она плакала доверчиво и успокоенно, и растерялся Ленька, и долго не мог разжать пальцы с клочками письма, и все повторял: «Вот так, вот так», и, наконец, уронив клочки, обнял ее за плечи.

Плынет по небу огромная стальная ферма. Мощный кран опускает ее на землю. Рядом, на машине, — еще одна ферма. И еще. Это секции опоры электропередачи.

— Здоровая! — замечает Ленька.
Он только что подъехал, вышел из кабины
самосвала.

Опускается ферма. Филипп машет, вертит
рукой, направляя ее движенье.

Подошли Костя с Володькой. Смотрят.

— Хорош! — кричит Филипп.

Ленька сел в кабину, сообщил на ходу:

— Меня сегодня не ждите!

Уехала машина. Проводил ее взглядом
Филипп.

Римма дежурит в тепляке над свежим бе-
тоном. За брезентом палатки — снег, ветер.
Распахнулась дверь.

— Это я! — радостно сообщил Ленька.—
Ты ложись, чего вскочила!

Сел рядом. Обнял Римму. Она освободи-
лась от его руки, отодвинулась.

— Новости,— удивился Ленька.

Снова положил руку ей на плечо, и сно-
ва отодвинулась Римма. Сказала спокойно:
— Не надо.

Ленька взял ее руку, взглянул на часы,
перевел стрелки.

— Так лучше. Время местное.
И снова обнял.

— Я уйду,— сказала Римма.

— Вот чудачка! — удивился Ленька.—
Я ведь не так, как другие. Знаешь, как бы-
вает... Ну чего ты? Ладно...

Лег на топчан, закурил.

Курит Ленька. Сидит у печурки Римма.

Встал. Накинул ей на плечи полушубок.
— Мне не холодно,— сказала Римма.

— Да,— вздохнул Ленька, слушая, как
рвется ветер.— А в Крыму или там в Сочи,
представляешь, никакого снега. Море. Паль-
мы волосатые... Да,— повторил мечтатель-
но.— Вот так, представляешь, едем мы с то-
бой... Солнце вовсю!.. И это, между прочим,
не какая-нибудь абстрактная мечта. Подожди,
два года осталось. Очередь у меня на
машину, на «Волгу». В апреле съездить на-
до, отметиться...

Молча слушает Римма.

— У меня все рассчитано,— продолжает
Ленька совсем интимно.— Видишь, курить
бросаю. Два года — и машина. А где маши-
на, там опять деньги... Сочи — Сухуми и об-
ратно, по полста с человека, поняла? Вот и
считай... А уж там и домишко можно, и уча-
сток. Опять деньги, ежели с умом...

— За этим и ехал сюда?

— Ну да, а что? — удивился Ленька.
И опять — уже решительно и грубо — сел
и обнял Римму.

Она столкнула его с топчана.

— Ладно, ладно,— пробурчал Ленька, под-
нимаясь с земли,— сам уйду... Чудачка!
К ней, можно сказать, всей душой..

— А мне от твоей души ничего не надо,—
сказала Римма.— Иди, Ленька.

— Это точно? — спросил Ленька.

— Иди.

— Смех! — сказал Ленька и, пожав пле-
чами, вышел из тепляка.

На просеке, по соседству с таежными великанами, медленно поднимается великан из металла — опора электропередачи.

Первая опора... Ее воздвигают всей бригадой. Два трактора, с одной и с другой стороны, два троса — «головной» и «тормозной» — заставляют опору подниматься вверх, прочно удерживая ее на бетонном фундаменте. Люди у тракторов, у деревянных подстрельников напряженно следят за движением опоры, и, когда она становится вертикально и, дрогнув, застывает, опервшись на фундамент четырьмя ногами, тайга оглашается криками, в воздух летят шапки.

Кажется, впервые — благодушная улыбка на лице у Саркисяна. Он стоит рядом с Асей и Костей, обняв их за плечи.

И вдруг, заметив где-то непорядок, уже кричит своим охрипшим голосом:

— Эй, там! Без фокусов!

Вместе с ним мы видим, как на опору — с фермы на ферму — взирается Володька Аксаров.

— Я что сказал? — яростно кричит Саркисян.

Но Володька уже наверху, на траверсе.

— Ну что там? Что увидел? — кричит ему снизу Ленька.

— Ого-го! — весело отзывается Володька. — Тайга-а!

— Пороги видишь? — кричит Филипп.

— Что-что?

— Стройку видишь? Пороги?

— Вижу! — кричит Володька.

«Ви-и-жу-у!» — подхватывает тайга, отзыvаясь эхом.

Тем временем Володька укрепил и зажег на траверсе старую телогрейку, которую тащил с собой наверх, — праздничный факел в честь первой опоры.

Разгорается, трепещет пламя над просекой, над тайгой.

Покачал головой Саркисян.

— Чертит... Просто за душу взяли...

— Это все лирика, Эдуард Михайлович, — не без ехидства замечает Костя.

— Ну, вот что, комсорг. Надо это дело отметить, поддержать людей.

— Пол-литра, — вспоминает Костя.

Но Саркисян не понимает шуток по своему адресу.

— Я думаю, отпуск можно дать. Не всем, конечно. Кому-нибудь одному из бригады. Чтоб, знаешь, домой съездил, в Москву, или, пожалуйста, в Сочи. И денег подкинем. А?.. Вот этот все просится — в Москву ему надо, — Ленька Незваный. Я не возражаю...

И вдруг, опять заметив где-то непорядок, Саркисян меняется в лице, и уже весь там, и уже забыл о Косте...

ТРУДНУЮ ЗАДАЧКУ ВЫ НАМ ЗАДАЛИ, ЭДУАРД МИХАЙЛОВИЧ... ВДРУГ ТАКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ: МОСКВУ ПОВИДАТЬ. ЖИЛИ СЕБЕ СПОКОЙНО, А ТЕПЕРЬ ВОТ РЕШАЙ — КОМУ ЕХАТЬ.

Сидят в палатке все наши друзья. Держат совет.

Ленька. Не знаю... Если по процентам брать — кто как работает...

Костя. Нет, не будем по процентам.

Ленька. Понимаете, ребята, мамаша у меня хворает, я вот почему...

Дуся. Мне тоже, мальчики, просто, знаете, очень нужно...

Ася. А мне на заочный подавать — это во-первых. А потом... может, неудобно говорить, но так хочется в театр!

Ленька. Ну вот, ей, видите ли, в театр, а тут мамаша...

Петрович. Раз такое дело — мать больна,— надо уважить.

Володька. Пусть едет.

Филипп. Пусть едет.

Костя. Ну что ж... Так и решим.

Ленька (*расторган*). Спасибо, ребята!

И тут вдруг вмешивается Римма. До сих пор она безучастно слушала и только раз дернула за рукав Леньку, когда тот заговорил о большой мамаше. «Ну что, что?» —тихо огрызнулся Ленька и продолжал свою речь. Теперь, когда вопрос почти решился, она не выдержала и заговорила вслух.

Римма. А на машину тебе отмечаться — это когда? Ты говорил, в апреле.

Ленька (*злой взгляд*). При чем тут машина?

Римма. При том. Не люблю, когда врут.

Ленька. Вот чудачка...

Ася. Давайте жребий!

Костя. Пусть лучше каждый одну причину назовет. Главную.

Филипп. Вот у меня одна...

Ленька. Тебе-то чего? Ты и не москвич.

Филипп. В том-то и дело, что не москвич. Вот это и есть моя причина. Москву погидать.

И это было так сказано, что вдруг замолкли все, посмотрели на сержанта, озадаченные его словами. Но у Аси уже готовы бумажки со жребием.

Ася. Тяните, ребята. Кому счастье.

Взяли чью-то шапку, сунули бумажку, помешали. Первый тянет Костя и неожиданно для всех, а быть может, и для себя самого, протягивает свою бумажку, еще не развернутую, еще в кулаке, сержанту:

— На. Что там будет, считай — твое!

Сержант — он уже тоже вытянул жребий — смущен до крайности.

— Брось! — отказывается он. И все-таки берет.

— На. И мою возьми, — сует ему свою бумажку Ася.

— И мою, — говорит Дуся.

Без слов протягивают бумажки Володька, Римма, Петрович.

И только один Ленька остается со своим жребием.

— Понимаете, ребята... — начинает он с виноватым видом.

— Давай, разворачивай! — требует Римма.

Ленька осторожно, с замиранием сердца отгибает края бумажного комочка. Еще, еще. Совсем раскрыл. Пусто. Перевернул, посмотрел.

рел на обороте. И с досадой швырнул в сторону.

— Твоя фортуна, сержант!

И вот сержант уже упаковывает свой старый солдатский мешок. Все друзья участвуют в сборах.

Костя. Вот я тебе еще телефон записываю. Не забудешь?.. Смотри, только лишнего там не болтай. Насчет морозов... или что в палатке живем.

Филипп. Ясно. (*Володьке.*) Ну что, надумал?

Володька. Да нет, не надо.

Ася. Как это так — не надо! Ты не слушай его, Филипп, зайди к его матери! (*Володьке, строго.*) Садись пиши.

Володька подумал, подумал:

— Ладно. Ты так, на словах. Насчет брата узнай. Погоди. — Он извлекает из кармана деньги. — Вот, передашь.

И ТОЛЬКО ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА НИ ПИСЕМ, НИ ПОРУЧЕНИЙ...

...Вечер. Трещат дрова в печурке. В отсветах пламени — лицо Риммы. Она дежурит в палатке над свежим бетоном. Перед ней, примостившись на опалубке, сидит Филипп.

Филипп. Ну, подумай, может, что нужно.

Римма. Не приставай.

Филипп. Ну хочешь, привезу тебе... Ну что ты любишь?..

Римма. Не надо мне ничего. Иди, Филипп.

Филипп. Снилась ты мне. Идем по тайге ты и я. Снегу навалило... (*Помолчал.*) Знаешь, если б ты мне сказала, к примеру, что вот сто километров надо в пургу, или сказала бы: ну-ка, Филипп, выкладывай все, что есть тайное на душе...

Римма. Да нет, не выкладывай.

Филипп. Я к чему? Чтобы и ты так — начистоту со мной, понимаешь? Вот как есть... Что, опять не пишет?

Римма. Пишет, почему же.

Филипп. Покажи. Конверт покажи.

Римма. Чудак. На, пожалуйста.

Филипп (*рассматривает конверт.*) Пропспект Мира.

Римма. Отдай.

Филипп. Фамилия красивая. Громов... Штемпель вот старый. От февраля месяца. Сейчас у нас апрель.

Римма. Ну отстань ты от меня, Филипп, голубчик.

Филипп. Не то говоришь. Я ведь знаю... Вот с Ленькой у тебя что-то, а любишь его, Громова, в том-то и дело... (*Увидел, как зевает Римма.*) А ты поспи... Я подежурю.

Римма. Правда? Я немножко. Полчасика...

И, прислонившись к плечу сержанта, она тотчас заснула.

Прошло «полчасика», прошел час — спит Римма на плече у сержанта, спит тихо, доверчиво, чему-то смутно улыбаясь во сне, и сидит, не шелохнется сержант. Догорают дрова в печке. Осторожно, с трудом сохраняя

равновесие, Филипп пробует достать ногой полено. Дотянулся, подтолкнул к себе. Еще, еще немного. Достал рукой. Бросил в огонь. Вздрогнула Римма, открыла глаза. Застыл сержант, сидит не дыша, боясь спугнуть свое счастье.

Провожают Филиппа. На нем бушлат, шарф, кирзовы сапоги, в руках полевая сумка, за плечами солдатский мешок. Ленька напутствует:

— Понял, как действовать? Прямо в гостиницу. В такси не садись — начнет круить, а это тут, рядом, высотное здание. Проси номерок отдельный, понял? Главное, чтоб деньги были.

— Деньги есть, — деловито сообщает Филипп.

Саркисян жмет ему руку на прощанье.

— Привет Москве!

— Вернешься — можешь нас не найти, — предупреждает Ася. — Дальше пойдем!

— Привет Москве! — повторило несколько голосов вслед уходящей машине.

Ползут по тайге бульдозеры. По тайге, по глубокому снегу, сквозь заросли, через сугробы, с натужным рычанием — вниз и вверх, вперед и вперед... Замерли деревья, седые и торжественные... Ползут машины, прокладывая путь людям. Идут люди с топорами, расчищая путь машинам...

ВОТ ТАК И ПРИДЕТСЯ... ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ... И НОВЫЕ МЕСТА... И, МОЖЕТ, ПИСЬМА НЕ СРАЗУ... НО ВЫ НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ, МАТЕРИ, НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ, РАБОТА ТАКАЯ...

Идут люди с топорами. Люди с поклажей на плечах. Идут, тяжело ступая по снегу, обрубая встречные ветки, идут — первые в тайге.

А в Москве уже весна. И, как всегда, шумна и пестра площадь, где три вокзала бесконечно притягивают и выплескивают, передают друг другу и вливают в город потоки людей. Стас машин дрожат от нетерпения у светофоров, чтобы вдруг разом сорваться с места и отрезать пути пешеходам, и тогда по обе стороны быстро нарастают две толпы, два встречных потока, готовых сменяться, как только склынут машины.

И в этих потоках — маленький сержант с вещевым мешком за плечами.

Длинной шеренгой выстроились вдоль тротуара машины с шашечками.

— Ну что, подъедем, молодой человек? — окликает сержанта мужчина в Ленькином сером полушубке и фуражке со значком. Филипп ускоряет шаг.

Вестибюль гостиницы. Филипп робко стоит у стойки. За стойкой — важная женщина с телефонами. Отвечает кому-то в трубку:

— Мест нет, товарищ.

Другая гостиница, другая важная женщина.

— Коек свободных нет.

— Где же ночевать-то? — наивно спрашивает Филипп.

Женщина пожимает плечами.

— Если желаете, один люкс остался.
Шестьдесят пять рублей;

Филипп радостно распахивает бушлат, выкладывает деньги из карманов.

Входит в номер. Комната, за ней — другая. Полированное великолепие. Столы, и кресла, и телевизор в углу, а там, в конце, за роскошным пологом, — ослепительное царство перин и подушек.

Еще не раздевшись, не расставшись с мешком, подходит к телевизору, крутит ручки.

За спиной — горничная.

— Кто же так обращается, гражданин!

Пожилая, солидная горничная в белом переднике, со связкой ключей в руках.

Грянула симфония. В голубом волшебном мерцании возникла и закружилась балерина.

Стоит, не шелохнется гражданин с солдатским мешком в руке.

— Весна, Кочкин, весна!

— Где, какая весна? — отзывается удивленный голос в динамике. — У меня ниже нуля.

— Ну и что? Это меня не убеждает. Сегодня ниже нуля, завтра выше, знаем мы эти капризы. Завтра пойдет лед на реке, и я останусь, как медведь на льдине. Все, что

должен завезти, давай сегодня. И сапоги — семьдесят пар. И книги не забудь.

— Что-что?

— Книги. Романы, романы.

— Ты что, шутишь?

— Не шучу! — взрывается Саркисян. — Я никогда не шучу, если ты обратил внимание. Мне не до шуток. У меня трасса. У меня сроки. У меня весна!

ВЕСНА ПОЗДНО ПРИХОДИТ В ЭТИ КРАЯ. АПРЕЛЬ, А У НАС ЕЩЕ СНЕГ ГЛУБОКИЙ, РЕКИ СКОВАНЫ ЛЬДОМ... Но зато уж как грянет солнце да как разойдется.. Нет-нет, не спеши, весна, подожди немножко, дай уж нам с работой управиться!..

Сверкает на солнце река, вся в хаосе ледяных глыб. По узкой накатанной колее навстречу нам с того берега медленно идет машина — «МАЗ» Леньки Невзаного.

Ленька поет, он в отличном расположении духа. Подъехав к месту работ и, как всегда, лихо затормозив у самого котлована, он весело приветствует бетонщиков:

— Здоровеньки булы!

Но Ася уже машет рукой — «выгружай», и, подав машину к навесу, Ленька движением рычага поднимает кузов — ссыпает гравий.

Ася взбирается на подножку машины.

— Давай, Ленечка, выручай. Видишь, солнце какое. Пойдет река — без бетона останемся.

Ленька разводит руками.

— По силе возможности.

— Ты мало берешь. Можно полнее грузить. Пусть даже рейсов поменьше... Что, не выгодно?

— Все мы люди,— шутливо вздыхает Ленька и трогает с места машину.

Ленька входит в палатку к девушкам. Застает Римму — она сидит над вышивкой. Рядом, на койке, с раскрытой книгой в руке, спит Ася. Ленька извлек из кармана бутылку вина. Еще бутылку из другого кармана. Шоколад. Консервы. Выложил все это на стол.

Ленька. Сладкое. Портвейн.

Римма. С чего это ты?

Ленька. Премию дали на автобазе.
(Наливает вина себе и ей.) Разговор к тебе.
(Садится рядом. Пауза.) Распишемся давай.

Римма. Что-что?

Ленька. Распишемся. Я серьезно. Учти — никому таких слов не говорил.

Римма. Счастье!

Ленька. Как знаешь.

Римма. Кулак — вот кто ты.

Ленька (благодушно). Ну, еще что?

Римма. Хапуга.

Ленька. Еще?

Римма. Противно. Да еще премии. Только бы рейсов, рейсов побольше.

Ленька. Посиди за баранкой.

Римма. Герой.

Ленька. А на ребят твоих я плюю. Это здесь все из одного котелка щи хлебают. Разъедемся — там жизнь у каждого своя. Кто

в ресторанах сотни бросает в свое удовольствие, а кто в столовке за два двадцать гуляш мясной... Здрасьте, я в Сибири ГЭС построил. Ну и на здоровье. Есть деньги — садись, нет — проходи. И всё. Один сядет, другой пройдет.

Римма. А я хочу так, чтоб люди меня уважали. И чтоб самой себя уважать.

Ленька. Это все философия, Римка.
(Обнимает ее.)

Римма. Пусти.

Ленька. Поженимся?

Римма. Нет.

Ленька. Так будем?

Римма. Убери руки. И уходи. Поздно. И знаешь что: не ходи ты сюда больше.

Ленька. А как же?

Римма. А никак.

Ленька (грубо, зло). Смотри-ка ты... строит из себя! Гм, смех!

Ушел Ленька. Стоят на столе нетронутые стаканы. И словно все обиды, все неудачи смешались вместе и подступили к горлу — разрыдалась Римма.

Пришли девчата. Проснулась Ася.

— Ну чего ты? Ну чего? Что с тобой?

Но еще горше плачет Римма, еще безутешнее.

Девчата не знают, чем помочь. Дуся спрашивает у Аси:

— Что тут было? Спали вы? Может, сон какой приснился?

И Римма сквозь слезы кивает в ответ: да, сон...

...А Ленька бродит меж палаток — остановится, постоит, пойдет дальше.

Не выдержал, пошел к себе. Ребята не спят — кто в домино режется, кто письмо строчит; Володька — тот книжку читает — на-верно, ту самую, Асину, про любовь. И, в общем, никто как-то и не заметил Ленькиного появления: пришел и пришел. Один Костя следит за ним внимательным взглядом. Постоял Ленька да, как был в одежде, завалился на койку. И вот тут, наконец, на него обратили внимание. Оторвался от книжки Володька Аксаров.

— Эй, друг, ты бы еще с сапогами на подушку!

Ленька не стал спорить. Встал, разделся, лег под одеяло. Володька снова уткнулся в книжку.

Ночь. Темно в палатке. Только отсветы от печурки мерцают в углу. Не спит Ленька. Повернется с боку на бок, поправит подушку под головой — все что-то не так. Надоело ворочаться, встал, сунул ноги в валенки, подошел к столу, шарит.

Проснулся от шороха Костя.

— Что, закурить?

Протянул ему пачку.

— Последние известия не слушал? — спросил Ленька.— Погоду?

— Потепление, — сказал Костя.— Весна. Лежит, жадно курит Ленька.

Вышел из палатки. Поежился — холодно. Под навесом стоит самосвал. Разжег Ленька костер, достал из кабины ведра, набрал в

них снега, поставил на огонь. Сделал из пакли факел, зажег, полез под машину.

Вылил горячую воду из ведер в радиатор, взял ручку, пробует завести машину.

Завелась!

Ленька закуривает, садится в кабину. Включил фары. Поехал.

Берег реки. Неподвижное русло. Белая сверкающая дорога, загроможденная глыбами льда.

Медленно спустилась машина, двинулась по колеям на тот берег.

А на том берегу — огороженный дамбой карьер. Горы гравия, запорошенные снегом. И лопаты, торчащие среди этих гор.

Ленька поставил машину у дамбы. Взял в руки лопату — и давай грузить. Загремели камни в металлическом кузове.

Жарко стало. Скинул телогрейку.

Снова жарко. Стянул с себя свитер.

Туманное зарево восхода выплыло из-за тайги.

Вот так случилось в эту ночь: решил Ленька искупить свою вину перед бригадой. И повел машину, доверху груженную гравием — груженную так, как еще никогда не бывало, — по реке, на тот берег.

Осторожно, словно ощупью, ступила машина передними колесами на лед реки. И, точно попробовав крепость льда, двинулась дальше. Проехала несколько метров — остановилась. Засомневался Ленька, вылез из кабины, постучал по льду черенком лопаты. Прошел вперед, увидел лужицы на льду, по-

стучал и по ним. Лужицы неглубокие, под ними твердь.

Вернулся, сел за барабанку и уже уверенной двинул машину дальше, вперед. Где-то хрустнул лед под колесами, выступила вода. Вперед, вперед. Машина уже посередине реки. Движутся, движутся колеса, разбрызгивая жижицу тающих льдинок, погружаясь в лужи на льду и вылезая из них. Вперед!

И уже близко от берега случается страшное: трещит и расступается лед под передними колесами, машина резко соскальзывает вниз, словно носом падает в зияющую глубину, открывшуюся меж льдин. Ушли под воду и погасли фары, ушли передние крылья, радиатор, вот и кабина с Ленькой скроется в реке, но какая-то сила останавливает падение — какая-то ледяная глыба удерживает кузов на поверхности. Из накренившегося кузова сыплется гравий.

Кабина — по самые окна — в майне. Отчаянно бьется Ленька, пытаясь вырваться наружу, но обе дверцы плотно зажаты, стиснуты льдом.

Светает. На берегу, у палаток, появились люди.

Кричит, бьется Ленька в кабине. Наконец, сумел вылезть через разбитое окно; оказался в воде.

Но уже бегут с берега к машине.

Подоспел Володька Аксаров. Склонившись над самым краем льдины, протягивает руку Леньке. Тот пытается и не может схватить. Какое-то неловкое движение отталкивает его

от льдины, он пробует ухватиться за другую, но хрупкий лед обламывается под пальцами. Тогда Володька сбрасывает с себя одежду, сапоги, дрожа от холода, опускается в майну. Несколько взмахов руками — и он у машины. Нашупал под водой ступеньку, забрался на нее, держится одной рукой за дверцу, другую — снова Леньке.

Вытащил...

А солнце уже совсем яркое. Сверкают льдины, сверкает сочащаяся сквозь них вода — маленькие, робкие, веселые ручейки, освободившиеся из ледяного плена.

По пояс в воде, цепляясь за ступеньки, за колеса, поддерживая друг друга, Петрович и Костя тащат металлический трос.

УФФ... ВОТ БЫ СЕЙЧАС ВАШИ ПОЛ-ЛИТРА, ЭДУАРД МИХАЙЛОВИЧ!..

Затарахтел трактор на берегу. Трос натянут, напряжен как струна. Какие-то скрытые боренья угадываются в этой неподвижности, какие-то огромные силы сцепились и замерли в поединке.

И вдруг что-то грохнуло и остановилось; раздался треск; бессильно съежился, скрутился, упал трос.

Забравшись на кузов, ребята разгружают машину — выбрасывают лопатами гравий.

ЭХ, СЕРЖАНТ, ТЕБЕ БЫ СЮДА... КАКОЙ СЛУЧАЙ ПРОПУСТИЛ...

Еще один трактор подоспел на помощь. И сюда пошел в воду Володька с тросом в руке.

...Вертолет снижается над городком.
Врач — над постелью Леньки.

— Это специально,— шепчет Ленька,— из-за меня летели?..

— Спокойно, — говорит женщина, — спокойно. У меня еще двое больных кроме вас... Тут больно? А тут? Но зачем, объясните мне, зачем надо было ночью, одному...

Прямится, натягивается трос, дрожит как струна в последнем решительном напряжении...

А солнце жарит вовсю. Теплое синее небо рас простерлось над рекой, над тайгой. Весна, весна... Вот сегодня она сюда и пришла.

И то же солнце — над Москвой, над ее шумными, суетливыми улицами.

Проспект Мира — бывшая 1-я Мещанская. К арке большого светлого дома, сияющего новизной, подходит приезжий — один из многих тысяч приезжих, неутомимо снующих среди людских потоков огромного города. Да, это он, наш сержант. У него уже исчезло растерянное изумление перед необъятностью и недоступным величием столицы. Теперь ему, уже как истому москвичу, некогда разгуливать и удивляться. Не думайте, что у приезжих много времени и мало дел — они тоже спешат...

Филипп уже знает, что с улицы двери всегда закрыты. Он решительно направляется во двор, быстро находит нужный подъезд и уже готов войти в лифт, как вдруг слышит

чей-то внушительный, останавливающий голос:

— Вы к кому, молодой человек?

Тут только и замечает он, что в подъезде — свой неусыпный страж, мимо которого не пройдешь: пожилая женщина с вязаньем в руках сидит на скамеечке в углу, напротив лифта. И, видимо, личность сержанта внушила ей особенный интерес.

— Мне в квартиру пятьдесят первую, — вдруг почему-то робея, отвечает Филипп.

— К кому там? — не столько с любопытством, сколько с недоверием спрашивает женщина.

И вдруг как-то невольно Филипп отглядывает свои кирзовые сапоги, свой пиджакишко с мятными, загнувшимися лацканами. И, ни слова не говоря, выходит из парадного.

Заметил на противоположной стороне проспекта магазин с вывеской: «Мосодежда», направился туда прямо через улицу, наперевес машинам.

Филипп — в магазине. Протиснулся к прилавку.

— Вот этот, — указывает продавцу.

Продавец, молодой парень, ровесник сержанту, бросает беглый профессиональный взгляд в сторону вешалки.

— Вам не подойдет.

— Почему?

— Не ваш размер.

— А этот?

— Тоже не подойдет. Цена.

— Ничего, давайте.

— Примерить надо,— говорит продавец. В кабинке, перед зеркалом, Филипп осматривает себя в новом костюме.

Продавец несет в примерочную пальто — серое, в клетку, модное.

Филипп выходит из магазина весь в новом, с двумя свертками в руках. В одном свертке его старые сапоги. Развернул, посмотрел. Что с ними делать? Остановился перед урной, подумал и, почему-то озираясь, втиснул в урну сверток с сапогами.

С другим свертком под мышкой идет через улицу к знакомому дому, в тот самый, знакомый подъезд.

Уже решительно говорит лифтерше:

— В пятьдесят первую.

И, не замечая ее изумленного, почти испуганного взгляда, открывает дверцу лифта.

Высокий, худощавый парень, светловолосый, с тонкими сжатыми губами, в спортивном костюме, представил перед Филиппом.

— Мне Громова,— сказал Филипп.

— Тут все Громовы.

— Кима.

— Это я.

— Здравствуйте. Чижик моя фамилия. Филипп Корнеевич.

— Здравствуйте,— настороженно ответил парень.— Проходите.

— Я оттуда. С Порогов,— сообщил Филипп, старательно вытирая ноги в передней.

— Что, дождь на улице?

— Нет, ничего, сухо,— сказал Филипп и перестал шаркать ногами о половик.

— Проходите,— снова пригласил парень.— Я сейчас.

Филипп успел увидеть в открытую дверь небольшую, довольно уютную комнату, столовую, с обстановкой, обычной для московской семьи среднего достатка; затем он оказался в маленькой комнатушке, где, очевидно, жил сам Ким. Здесь помещалась скромная кровать, столик у окна, книжная полка над ним, все очень обычное, но помимо этого еще много разных вещей, небезинтересных для Филиппа: радиола с пластинками, боксерские перчатки, лыжи, подвязанные под самым потолком, охотниче ружье над кроватью и, наконец, книги, журналы с цветными обложками... Каждый из этих предметов заключал в себе удовольствие, и вся комната, да и облик ее хозяина, его уверенная стать говорили о какой-то очень ладной, пусть скромной, но удачливой и завидной жизни, состоявшей из множества приятных вещей.

— Я от нее, от Риммы,— начал Филипп.

— Я так и понял,— сказал Ким.— Ну, как она там?

— Хорошо. Возможное дело, орден получит за работу.

— Здорово! Письмо привезли?

— Нет, я так... На словах... — сказал Филипп, все еще борясь со смущением.— Вдобавок у него развязались шнурки на новых ботинках, пришлось нагнуться, завязывать.

— Ждет она вас,— сказал Филипп, помявшись над шнурками.— Вы собирались еще зимой...

— Да.

— Что-нибудь изменилось?

— В институт поступаю.

— У нас тоже некоторые на заочный хотят. Даже лучше. Работать и учиться. Пожалуйста, все условия. Как дома.

— Наверно, даже лучше, чем дома,— заметил Ким.

— Лучше! — обрадовался Филипп. И вдруг насторожился.— Да нет, дома тоже не плохо жили.

— Я слышал, бегут от вас.

— Кто? — возмутился Филипп.

— Ну, наверное, те, кому дома лучше.

— Не знаю. Из наших никто бежать не собирается.

— Да, я понимаю,— сказал Ким.

— Что ж вы думаете — мы неудачники какие, что туда поехали?

Рядом, в передней, зазвонил телефон.

— Минуточку,— извинился Ким и вышел, прикрыв за собой дверь.

Филипп тем временем, убедившись, что со шнурками все в порядке, принялся рассматривать журналы, лежащие на столе высокой стопкой.

Попался ему журнал с портретом Володьки на обложке. И почему-то вдруг приятен стал этот портрет.

— Вот,— говорит он вошедшему Киму.— Наш товарищ. В одной бригаде. Аксаров Володька.— И неожиданно:— Вы с какого го-да?

— Тридцать второго. А что?

— В армии не служили?

— Ну, служил.

— А простите, в каком звании?
Ким удивленно пожимает плечами.

— Сержант.

Обрадовался Филипп. Забыл про шнурки.

— Послушай, друг,— говорит он уже не принужденно и доверительно,— она тебя знаешь как любит... Девчонка золото, понял?.. Приезжай, мы тебя ждать будем. Работа найдется!

— Вот посмотрим, как с институтом. Если не попаду...

— А она как же?.. Ты б написал ей...

— Напишу.

— Забудешь. Пока соберешься, то да сё...
Ты давай сейчас. Я подожду.

И Киму ничего не остается, как сесть за письмо.

— Можешь длинно не расписывать,— великолушно разрешает ему Филипп.— Самое основное. Что приедешь... Вот конверт.

Ким вскидывает на него удивленные глаза.

— Да, и главное — напиши, когда, какого числа ждать,— невозмутимо продолжает сержант.— Встретим тебя. Так не доберешься.

— Я ж тебе объясняю!

— И я тебе объясняю. Пиши.

— Я телеграмму дам,— предлагает Ким.

— Да не дойдет телеграмма! Мы знаешь где!.. Ты сейчас подумай. Вот сегодня у нас семнадцатое...

— Я там все написал,— говорит Ким, за克莱ивая конверт.

— Ладно... — Филипп встает, еще раз оглядывает комнату, трогает ружье на стене. — А это где такое продается?

— На Неглинной, в охотничьем.

— Понятно, — говорит Филипп. — У нас там, знаешь, зверья всякого пропасть. Ну, ладно, бывай... — И уже в дверях: — Послушай, друг, а ты ее любишь?

— Вот странно, — отвечает на это Ким.

— По-честному!

Лицо Кима снова становится надменно-насмешливым.

— Может, у тебя с ней что? Там ведь у вас быстро. Пожалуйста, не возражаю.

В краску бросило Филиппа, сами сжались кулаки. Вот-вот вырвется злость, перехватившая горло, злость, в которую сейчас переплавилось все: и этот запавший в душу чужой и грустный взгляд Риммы, и это ружье, гордо красующееся на стене, и эти шнурки, и страшная, жгучая досада на себя.

— Эх, — сказал Филипп, и еще сильнее сжались кулаки. — Слушай, ты, в общем, не приезжай, понял?..

И пошел к выходу. И уже спускается по лестнице, как вдруг — голос Кима, оттуда, сверху:

— Послушайте! Вы сверток забыли.

Филипп возвращается за свертком. Порвалась, растрепалась бумага, вылезли наружу края старого суконного пиджака.

Другая улица — старая, мощенная брусчаткой. Это тоже Москва. Те же люди, те же

троллейбусы, только дома старые — одноэтажные, двухэтажные. На углу, у гастроно-ма, торгают мороженым, лимонами, газиро-ванной водой. Этот перекресток с давних пор зовется — Разгуляй. Вот тут поблизости и находится переулок, который нужен Филиппу, — старый, тихий, уходящий куда-то в сторону, вкось, — Токмаков.

У каменных ворот — группа парней. Кучевые кепочки, поднятые воротники. Парни стоят, прислонившись к стенке, курят, скучающим взглядом провожают прохожих.

Посторонились, пропускают Филиппа.

Во дворе еще неубранная зима: сугробы в палисадниках вокруг флигелей, снег на крышах гаражей и сараев и на бесприютном «Москвиче», зимующем под чими-то окнами...

Бот квартира, которую ищет Филипп. Несколько ступеней вниз, полуподвал. Дверь не заперта. Длинный коридор, он же кухня, газовые плиты установлены кастрюлями. Пожилая женщина моет пол. Выпрямилась, выжимает тряпку.

— Аксарову Анну Васильевну можно видеть?

Женщина вытирает руки о передник.

— Ну, я.

— Я к вам от вашего сына.

— От Федора?

— От Володи.

Что-то недоброе мелькнуло в лице женщины.

— Проходите.

Небольшая комната, высокая постель с

кружевным подзором. Комод, тоже с кружевной накидкой. Телевизор в углу.

Женщина глядит на Филиппа с настороженным интересом.

— Привет вам посылает.

— А сам-то он где?

— Разве вы не знаете? В Сибири, на стройке. Вместе мы...

— Ну, слава те господи,—сказала женщина.—А то, может, опять сидит?

— Как—сидит?

— Как сидят? За решеткой али за проволокой. Это вам лучше знать.

Филипп смущен до крайности. Извлек из сумки сверток с деньгами.

— Вот он вам прислал. Шестьсот рублей. Она смотрит подозрительно.

— Этого мне не надо.

— Как так—не надо! —уже возмущается Филипп.—Если он шлет...

— А я не знаю, может, они какие краденые.

— Да я ведь вам говорю...

— А я и тебя не знаю.

— Ну как хотите,—вздыхает Филипп и протягивает руку за деньги.—А что ж я ему-то скажу?.. Нет, вы, пожалуйста, возьмите... Вот жалко, у меня с собой журнала нет, там ваш Володя знает как — во всю страницу, на обложке. Возможное дело, орден получит за работу.

— Смотри-ка...

— Я думал, вы знаете. Ему со всего Союза пишут.

— Руки у него хорошие. Отцовские... Старший, Федор, тот, слава богу, в люди вышел. Сейчас морской капитан. Уже своих двое. Вот. — Она показывает на фотографии, стоящие в рамочках на комоде. — А этот — как связался с компанией... С завода погнали. Ну и пошло... Что тут у меня милиции перебывало, сраму натерпелась... Соседи до сих пор, чуть что, тычут этим.... Шесть лет получил... Вернулся — опять дружки эти самые. Брат и то говорит: не жди теперь от него добра. Ну и сказал ему: как хочешь, мол, а сюда не ходи, мать не позорь.

— Зря вы так,—задумчиво отмечает Филипп и поднимается.

— Так, говоришь, честно работает? И ничего?.. Ну, давай бог.

Она берет со стола деньги и, быстро пересчитав, прячет за зеркало на комоде.

Филипп прощается. Ему не по себе.

Снова парни в кепчиконах загородили ворота — курят, поплевывают, посмеиваются. Один подтолкнул другого: пропусти, мол,— и Филипп вышел на улицу. Вышел, остановился, вдруг почему-то оглядел этих парней, и парни тоже воззрились на него с любопытством и ожиданием.

Пошел дальше.

И вот еще одна квартира, куда попал наш сержант. Просторный домашний кабинет; стеллажи от пола до потолка. На письменном столе в рамочке — портрет юноши. Он

снят во весь рост, в белом спортивном костюме, с теннисной ракеткой в руке. Это Костя.

За столом, напротив Филиппа, сидит, внимательно слушая его рассказ, лысый мужчина — отец Кости. Входит в комнату — несет чай на подносе — мать, полная, молодящаяся женщина в халате.

— Что-то не верится, — замечает отец по поводу сказанного Филиппом. — Какие ж у вас дома?

— Какие? Из бревен, — смело говорит Филипп. — Зимовья.

— Зачем? Ведь вы же на месте не сидите? И Костя про какие-то дома пишет. Палатки, наверно.

Встревожилась мать.

— Вот видишь, в палатках они! Зимой, в такие морозы!

— Ничего страшного, — говорит отец. — Палатки утепленные. И печка топится. Верно?.. Ничего, будут и дома. А что? Сами видите, к чему дело идет. Хватит. Вы строите, вам и жить... Что, Филипп?

— Дома у нас, — уже не совсем уверенно настаивает Филипп.

— И говорите, в мороз не работаете? Не верится что-то...

Отец извлекает из ящика карту, расстилает ее на столе.

— Ну-ка, где вы сейчас, покажите.

Филипп ищет карандашом.

— Вот здесь где-то.

— Неплохо, — замечает Костин отец. — На самой стройке, на Порогах, еще не бывали?

— Нет.

— Как же так? Надо съездить, посмотреть. Поймете, для чего все ваши труды. Да дите им ток — еще не то будет.

— А вы... вы бывали? — осторожно спрашивает Филипп.

В этот момент раздается звонок, кто-то открывает дверь в передней, на пороге появляется гость. Костины родители поднимаются ему навстречу.

Нам знакома эта крупная фигура, эта представительная осанка и молодое еще лицо с правильными чертами. Это он, начальник стройки Бобров.

— Вот, знакомься, Виктор Иванович, — говорит Костин отец. — Товарищ моего Кости. Приехал оттуда. Утверждает, что там у них дома построили, в домах они живут.

— Это где же?

— На трассе. У Саркисяна. Вот видишь, оказывается, не в курсе мы с тобой.

Тут только пригляделся Виктор Иванович к Филиппу, узнает и не узнает.

— Лицо знакомое... Ну как там Эдуард Михайлович?.. — И продолжает, обращаясь к Костиному отцу: — Вот мужик! Перелаялся со всеми, охрип... Забирают его от меня, жаль. Воевал сегодня.

— Куда забирают? — Филипп даже привстал от неожиданности. — Не отпустим мы его!

— Сам не отпущу, пока не закончим. А потом придется. Новое, большое дело ему начинать. Опять в тайге... А что, признай-

тесь,— Виктор Иванович подмигнул Филиппу,— здорово он там на вас покрикивает?

— Что вы! — вскричал Филипп, всем своим видом выражая изумление.— Да никогда в жизни! Да мы с ним вот как живем!

— А ты что, не заезжал к ним туда, когда ездил с проектом? — спросил Виктор Иванович у Костиного отца.

— Нет. Сын строго-настрого запретил.

— Стесняется тебя, что ли?

— Оба они у меня со странностями,— вздыхает мать.— Ну скажите, Виктор Иванович, разве можно было его отпускать? Кончил мальчик с золотой медалью...

— Молодость,— говорит Виктор Иванович.

— Товарищи — кто на физмате, кто на медицинском,— продолжает мать.— Да ведь и ваш, кажется,— я уж позабыла, где он у вас...

— В энергетическом.

— Вот-вот. А ведь сейчас, сами знаете, с каждым годом труднее...— И к Филиппу:— Что же вы не пьете? Остынет.

— Спасибо,— говорит Филипп,— я, пожалуй, пойду.

— Ну хоть расскажите: какой он? Похудел?

— Вот это уж нет. У нас не худеют.

— Вы сейчас опять начнете идеализировать.

— Да нет. Я не идеализирую.— Филипп старательно выговаривает трудное слово.— Какой он? Как вам сказать.. Настоящий.

ГДЕ Ж ТЫ ТАМ БРОДИШЬ, СЕРЖАНТ, ПРИЕЗЖАЙ СКОРЕЙ, У НАС ВЕДЬ ТОЖЕ ВЕСНА, ДА КАКАЯ!..

Разлилась река, где страдал с машиной Ленька.

Ожила тайга — запела птичьими голосами, расцвела ромашкой и фиолетовым бальником.

Высится опора на просеке; остановилась бригада, впереди — вода, разлившийся ручей. Смеются, подталкивают друг друга...

А Саркисян продолжает свой бесконечный диалог с Кочкиным:

— Ты слушаешь меня, Кочкин? Ты видишь, что уже весна, или у тебя все еще заморозки? Где ж сапоги, Кочкин?

— Молчит динамик.

— Ты что, глухой?

Затрещал динамик.

— Помехи, да? — кричит Саркисян.— Опять помехи?..

И вдруг — сквозь треск и свист — голос по радио:

— Выслал, выслал.

— Вот спасибо, Кочкин. Не сердись! Обнимаю тебя!

...Володька Аксаров тащит в палатку целую кипу резиновых сапог. За ним — Костя с ящиком-посылкой. В посылке — книги.

Натягивает сапоги Володька.

— Что за черт! А где правый? Мы с тобой поменялись, Петрович. У меня оба на левую.

Петрович шевелит носком в сапоге.

— Да у меня тоже левые оба... Ничего, налезли.

Костя в палатке у девушек.

— Какие у вас? Может, все правые к вам попали?

— А мы думали, к вам,— отвечает Ася.— У нас левые.

— ...Кочкин, Кочкин! — зовет Саркисян, яростно жестикулируя перед рацией.— Что ты со мной делаешь? Ты мне ответь: по какому принципу распределялись сапоги? Кому ты все правые отоспал? Ты меня слышишь, Кочкин?

Молчит динамик.

— Ты что, глухой?

Затрещал динамик.

— Помехи, да? — кричит Саркисян.— Опять помехи?..

Филипп появляется на стройке в разгар воскресного дня. Он сходит с трактора в своем щегольском пальто, в шляпе, с огромным, до самой земли, чемоданом. И уже слышит знакомое:

— Сержант! Дружище!

Друзья хватают Филиппа, тискают, тащат в палатку...

— Ну рассказывай! Как там Москва? Где побывал?

— Да так... особенно нигде,— признается Филипп.— А в общем, набегался.

Он аккуратно извлекает из чемодана свертки, книжки, раскладывает их на койке.

— А Римма где?

— Придет.

— Это тебе,— протягивает он сверток Асе.— Это вот тебе, Костя.— Встретился глазами с Володькой.— У матери твоей был. Деньги передал. Брат жив-здоров. Обижаются, почему не пишешь.

Володька промолчал.

Тут ребята замечают самое интересное из всего, что привез сержант: новенькие охотничьи ружье, которое он достает из чехла.

— Ух ты! Покажи... Вот это да!.. И патроны к нему?

— На Неглинной, в охотничьем магазине,— поясняет Филипп. Спохватился: — А Ленъка где? Не убежал еще?

— Ленъка... С ним история получилась,— говорит Ася.— Тут, брат, без тебя такие события...

...К маленькому бревенчатому домику, выросшему рядом с палатками, какой-то шутник приделал фанерку с надписью: «Городская больница». Здесь лежит Ленъка. Сюда и направился сержант, как только узнал о прошедшем.

Покосился на вывеску. Старательно вытер ноги у порога.

В домике две кровати. Одна пустует, на другой лежит Ленъка... Рядом с ним, на скамеечке,— Римма. Есть что-то такое в их поезе, а может быть, в разговоре, что заставляет Филиппа, да и их самих при его появлении испытать неловкость. Римма быстро вскакивает с места — смущенная, радостная.

— Филипп! Миленький! Приехал! Ну
можно, я тебя поцелую?

И даже в самой этой радости, в самом по-
целуе есть что-то новое, загадочное и тре-
вожное для Филиппа.

Он подсаживается к Леньке.

— Живой?

— Живой,— улыбается Ленька.— Воспа-
ление легких.

— Молодец ты, Ленька. Честно говоря,
даже не ожидал. Ночью, один... Даже, чест-
но говоря, завидно...

— Брось,— нахмурился Ленька.— Расска-
зывай лучше. Как съездил, где жил?

— Жил в люксе. Потом, правда, в обще-
житии под конец.

— Понятно,— засмеялся Ленька.

— Поручение выполнил. Отметился. Го-
ворят, подорожают машины. Так что ты да-
вай жми!

Ленька почему-то промолчал, и Филипп
опять почувствовал неловкость.

— Он раздумал,— сказала Римма.

— Ладно,— сказал Ленька, явно не желая
продолжать этот разговор, и открыл перед
Филиппом коробку «Казбека».— Поживем —
увидим. Кури.

— Не буду,— отказывается Филипп.—
Я от них кашляю.

— Попробуй,— настаивает Ленька, да
так настаивает, что Филипп берет папиросу.
Закуривает, смотрит на Римму.

— Может, секреты у вас, так ничего, да-

вайте, я подожду,— покорно предлагает
Ленька.

— Сейчас, одну минуту! — Римма уводит
Филиппа за дверь.

Филипп. Был я...

Замерла Римма.

Филипп. Не приедет. Я полагаю... Я так
полагаю, что это даже к лучшему.

Римма. Расскажи.

Филипп. Вот — письмо.

Римма схватила, прочла. Подняла глаза
на Филиппа. Изумленные глаза. Радость,
смятение, тревога.

Римма. Тут написано: скоро приеду.

Филипп. Да? Ну, значит, правильно.
Приедет. Значит, просто ошибка.

Ушел Филипп. Возле палатки его дожи-
дается Володька. Видно, хочет поговорить
один на один.

Чувствует это сержант, кладет руку на
плечо Володьке.

— Ну что? Мамаша твоя здорова. Я ей,
конечно, обрисовал, сам понимаешь...

Володька осторожно:

— Так больше ничего не говорила?

— Вроде нет. Ты написал бы ей. Нехоро-
шо — мать...

— Ладно.

— А мне, брат, тошно нынче. Ничего не
хочется,— вдруг признается Филипп.

— Что такое?

— Да так,— говорит Филипп после раз-
думья,— ошибка вышла.

ТАЙГА, ТАЙГА... ДО САМОГО ОКЕАНА ТАЙГА... МЫ ИДЕМ ВСЕ ДАЛЬШЕ, И СТАЛЬНЫЕ ОПОРЫ ШАГАЮТ ПО НАШИМ СЛЕДАМ... ПРИХОДИТ ЛЕТО — НОВЫЕ ТОПОРЫ, НОВЫЕ ЗАБОТЫ, РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ... И ЭТА ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ НАЧАЛАСЬ ВОТ ТАК...

Весело играет пламя. Этот маленький костер разожгли на лесной полянке девчата-бетонщицы. Только что они закончили работу, теперь у них занятия. По полянке взад и вперед, с видом заправского преподавателя шагает Ася.

— Что такое консистенция? — спрашивает она. И, оглядев своих слушателей, продолжает с расстановкой: — Консистенция — это значит состав бетона, иначе говоря, соотношение вяжущих и инертных материалов, то есть, иными словами, если мы возьмем цемент...

Тут она запнулась. На полянке появился Володька.

Она сказала ему строго:

— У нас занятия.

Но Володька невозмутимо приблизился к ней и заявил:

— Пошли.

То ли потому, что он сказал это так решительно, то ли при виде ружья, которое он нес за спиной, — засмеялись девчата.

— Ой, девочки, боюсь!

— Да оно у них не стреляет!

— А вдруг там патроны!

Володька снисходительно выслушал все насмешки и снова — уже, правда, не так смело — сказал Асе:

— Пошли. Поговорить надо.

— Интересно! — возмутилась Ася.

Володька пожал плечами, собрался уходить, но девчата, переглянувшись, решили по-своему.

— А давайте, девочки, отложим, — предложила Римма.

— Правильно! Давайте! — подхватили все сразу. — Другой раз, Асенъка!

— Вот еще! — сказала Ася, но исход уже предрешен, предугадан лукавым чутаем ее подруг.

Молча, не спеша побрали по тайге Володька и Ася. Где-то, уже вдалеке, завели свою песню девчата.

— Смотри, что это? — Ася наклонилась к земле.

— Где?

— Вот. И вот.

— Вот это?

— Эх ты, охотник. Лось прошел...

Кончилась просека, пошла визирка — узкая щель в тайге, пробитая теми, кто шел первый. Удалилась, замерла песня.

— Чье гнездо? — снова остановилась и спрашивает его Ася.

— Ну, птицы какой-то.

— «Какой-то»!..

Пошли дальше. Ася то и дело останавливается, что-то заметное ей одной высматривает, слушает — ей все здесь понятно и интересно.

— У нас в Брянской области, может, слышал, партизанские леса знаменитые... Ну вот.

Мы в войну целый год — отец, мать и мы с братишкой...

Увидели столбик с цифрой — пикет. Остановились. Володька придирично осматривает место, пробует землю носком сапога.

— Ух ты, здесь трудно будет... Ну-ка дальше пошли, поглядим.

Пошли дальше.

Вдруг Ася замерла, насторожилась. Уви-
дела тень, мелькнувшую среди деревьев.

— Что там? — удивился Володька.

— Охотиться не будешь? — вспомнила Ася.

— Другой раз. Пошли. Интересно.

Остановились: впереди болото. Визирка уходит в сторону — вверх, на сопку.

Поднялись. Отсюда, с сопки, видно далеко вокруг.

— А если напрямик? — показывает рукой Володька. — Не так, а так... Срезать угол! Вон там опора и здесь.

— Болото...

— Ну и что? Болота не видели? Зато сокращается!..

Легкий ветер налетел на сопку, зашумели деревья кругом.

— Спросить тебя хотел, — начицает Володька свой трудный разговор.

Слушает Ася.

Володька. Веришь ты мне?

Ася. Верю.

Она сказала это просто и легко, без всякой значительности и словно даже не удивившись вопросу. И этим простым, недогадливо ясным «верю» окончательно сразила Володь-

кину решимость. Теперь он уже не мог рассказать ей то, что должен был, хотел и готовился рассказать. Когда угодно, только не теперь, не сегодня, не здесь...

— А хочешь, завтра с утра — вот так, по трассе... — предложил Володька. — Идет?

Они весело ударили по рукам, и как-то так получилось — может, даже нечаянно, — что Володька задержал Асину руку в своей. Их взгляды встретились и, наверно, застали друг друга врасплох, потому что Ася тут же отняла руку и спокойно, весело предложила:

— Пошли?

...Их остановил неожиданный рокот мото-
ра. На просеке появился трактор с прицепом,
на прицепе парень.

— Эй, парочка! — окликает тракторист Володьку с Асей. — Не заблудились? Может, вас домой отвезти?

— Ничего, им не к спеху, — ухмыльнулся парень на прицепе. — А то глядите — в гости заедем к вашим девчатам.

— Завтра, — мрачно ответил Володька.

— А мы нынче! — весело продолжал парень, уже удаляясь вместе с трактором. И вдруг привстал на прицепе, закричал изумленно: — Аксаров!

Спрыгнул. Идет к Володьке.

— Вот это да! Какими судьбами?

Ему лет за тридцать; у него круглое румяное лицо, белые волосы под кепкой, белые брови, поднятые в удивлении.

— Не узнал, что ли? Вот тебе и на! Ко-

тов я, Котов Владимир, тезка твой. Ну, вспоминаешь?

— Вспоминаю,— сдержанно сказал Володька.

— Что ты тут делаешь-то? На третьем, что ли? Смотри-ка, я ведь тоже на третьем... А это что, твоя девушка? — И румяный Володькин тезка беззастенчиво оглядывает Асю.— Ну, рассказывай. Как сюда попал-то? Что, прямо оттуда?

— Из Москвы, — говорит Володька с тревогой и мольбой.

— Подожди-ка, сколько ж ты отсидел? — беспощадно продолжает румяный.— Вот время идет! Помнишь, как мы тебя с завода-то... Ты не обижайся, дело прошлое. Сам посуди: из милиции запрос, характеристику требуют — ну что мы могли написать...

— Пошли, Волода, — решительно тянет Володьку Ася.

— Да подожди, чего обижаться-то, я ведь по-простому. Что было, то прошло. Вот видишь, — румяный обращается к Асе, — я по комсомольскому призыву, и он тоже — со всеми, как передовой... А что ж, правильно. Доверие к человеку. А что?

— Уходи, — сказал Володька.— Уходи, слышишь?

— Вот чудак! — рассмеялся румяный и вдруг увидел Володькины сжатые кулаки.— Ты что это?

— Уходи, — прошептал Володька.

— Как это так — уходи? Это тебе, брат, не лагерь. «Уходи!» Это ты брось, Аксаров!

Они стоят друг против друга; еще мгновение — и не выдержит, сорвется Володька, и, то ли сдерживая себя, то ли обороняясь от ранящих слов, он хватает обидчика за руки.

— Брось, — повторяет румяный.— Не стоит тебе драться-то. Ни к чему. С твоими-то делами...

Застыл Володька. Сами разжалась пальцы.

— Вот так-то лучше, — заметил румяный.

И вдруг, не помня себя, ослепнув от бесильной ярости, сорвал Володька ружье с плеча.

— Уходи!

— Эй, друг, не шали! — закричал тракторист, подбегая, но Володька уже наступал на румяного с ружьем наперевес.

Бросилась вперед Ася, схватилась за ствол ружья.

— Ну-ну, ты! — бормотал румяный, отступая, но вдруг упало ружье — отвернулся, пряча слезы, и зашагал прочь Володька.

Теперь, опустив голову, он сидит перед Саркисяном. Та же знакомая обстановка: проигрыватель с пластинкой, стопка журналов на столе. В углу молчаливо, тоже уставшись в пол, сидит Костя.

Саркисян нервно теребит листок-заявление. Рядом раскрытая папка — «личное дело» Володьки Аксарова.

— Уже, значит, раз отсидел...
Молчит Володька.

— Приехали, нашумели — «комсомольцы»!
— Я не комсомолец,— говорит Володька.

Саркисян барабанит пальцами по столу, думает. Неожиданно меняет тон. Спрашивает дружелюбно, готовый, кажется, все понять:

— Что было? Расскажи. Как это так — с ружьем на человека!.. Вот видишь, он пишет: старые счеты...

Угрюмо молчит Володька.

Тут вмешивается Костя:

— Ты расскажи, Володя. Ведь не так все было. Он ведь там явно преувеличивает.

Оба они — Саркисян и Костя — с ожиданием и надеждой смотрят на Володьку, с ожиданием какого-то, быть может, одного только слова, которое все решительно повернет и изменит. Но молчит, упрямо молчит Володька.

— Но ведь не может быть... — продолжает Костя.

— Все может быть, — резко обрывает его Саркисян. — У них все может быть. Слава богу, повидал эту публику на своем веку. Там свои законы...

Поднялся Володька. Уходит. Сталкивается в дверях с Асей и Филиппом.

— Если просить за Аксарова, уходите сразу, — предупреждает Саркисян.

— Нет, не просить, — твердо заявляет сержант. — Поручиться за человека. Оставьте его на трассе. Я — головой...

— «Головой»! Вот ты головой подумай лучше. Как я его оставил?

Филипп багровеет. Собирается уходить,

— Ружьишко мне, пожалуйста. Это мое. Из Москвы.

Саркисян укоризненно качает головой.

— Ты военный человек. Ты подумал, кому оружие даешь?

— А я бы и на войне ему доверил, — заявляет Филипп. — Вот сейчас. Случись что... Дал бы... До свиданья...

Не отступает Костя:

— Эдуард Михайлович! — Я заявляю вам от имени комсомольцев... вы должны понять, трасса — это не только опоры...

Морщится Саркисян.

— Да вы сами романтик! — в отчаянии восклицает Костя. — Почему вы в людей не верите? Для кого же вы все это строите?.. Я заявляю вам, — говорит Костя, пугаясь собственной резкости, — мы, комсомольцы, ручаемся за Аксарова и под свою ответственность оставляем его на трассе.

На Володькиной койке — раскрытый деревянный чемодан. Володька перебирает, укладывает вещи. Старая гимнастерка. Полотенце. Носки. Коробка от папирос — в ней письма, фотографии. Вот она, та самая Тамара с косичками, которую Ася признала симпатичной. Вот мужчина в морском кителе — брат...

В палатке уже улеглись. Один Костя все пишет что-то, сидя на койке.

— Зря ты это, — сказал Володьке Петрович.

Поднял голову Костя.

— Ты что?! Ты это, пожалуйста, забудь.
Никуда мы тебя не отпустим!

Вскочил Ленька.

— Что ты дуришь!

Молчит Володька. Закрыл чемодан, разделся, лег.

Ночью поднялся, подсел на койку к сержанту. Тот открыл глаза, понял, задумался.

— Ты вот что, Володя. Если тошно — езжай. Езжай на Пороги, на стройку. Там встретимся... В Москву не езжай, слышь?

Володька кивает.

— И вот что... — Филипп тянется за ружьем. — Эту бандуру забирай. Твоя.

— Да что ты! — отказывается Володька.

— Твоя, говорю! — И Филипп вкладывает ружье ему в руки.

Уже под утро Володька толкает сержанта.

— Филипп, — шепчет он, — слышишь, а там, на Порогах... примут?

Филипп что-то бормочет во сне.

Володька начинает одеваться. Оделся, взял чемодан, ружье, в последний раз оглядел палатку и вышел.

Над тайгой уже меркнут звезды, занимается бледный рассвет.

Володька идет прочь от палаток, но вдруг у одной, крайней, останавливается. Кладет вещи у входа, снимает сапоги. В носках, крачусь, входит в палатку.

В палатке спят девушки. Спит Ася. Володька постоял рядом и, наконец решившись, тронул ее за плечо. Ася открыла глаза. Смотрит, не понимает. И вдруг вскакивает в ис-

пуге. «Выходи», — показывает ей жестом Володька.

Она выходит следом за ним, ежась от холода, в плаще, накинутом поверх рубашки, в туфлях на босу ногу. Увидела чемодан, ружье. Поняла.

— Что ты!

— Вот зашел проститься, — говорит Володька. — Книга твоя, — протягивает ей книгу.

Ася хватает его чемодан.

— Ты с ума сошел! Куда? Ведь все уладится, глупый! Ну куда ты?

Володька смотрит на нее ласково-смысходительно; что-то новое, чужое в этом взгляде.

— Не пропаду... Ну чего ты! Не надо.

Ушел Володька. Ася постояла с минуту и — за ним.

— Постой!

Он обернулся.

— Чего?..

— Ты с ума сошел! Ночью, пешком!

— Иди, Ася. Простудишься.

— Я оденусь. Подожди.

— Зачем?

— Я с тобой.

— Нет.

Зашагал Володька быстрее, быстрее.

Ася неотступно идет за ним вслед.

Они уже в тайге. Обернулся Володька. Крикнул повелительно:

— Уходи!

Бросилась к нему Ася, схватила за руку.

— Я с тобой, Володька. Никуда ты от меня, понял?..

Володька взглянул на нее, что-то в нем дрогнуло. Бросил на землю вещи, обнял, прижал к себе Асю; она расстегнула его куртку, уткнулась лицом в грудь, и задрожали от слез ее плечики в руках у Володьки.

Наконец, он разжал руки, осторожно отстранил ее, поцеловал.

— Иди, Ася.

И зашагал дальше.

Снова пошла за ним Ася. Снова обернулся Володька. И, может быть, только теперь поняла она до конца, что не сможет его задержать.

Он остановился, вдруг зачем-то подмигнул ей беззаботно и, послав привет рукой, отправился дальше.

Начиналось утро.

Тихо, едва касаясь пальцами кнопок, играет на гармони сержант. Это все та же полька, игривая и грустная, единственная музыка, которую он разучил. Они с Костей сидят на бревне у палатки; грустит, мечтает сержант.

Прошел мимо Петрович. Прошла Дуся под руку с парнем, помахала рукой сержанту. Прошла сзабоченная Ася. Появились Ленька с Риммой, идут рядом; прошли, не остановились. Сержант провожает их взглядом.

Филипп. Вопрос к тебе... Ты любил когда-нибудь?

Костя. В восьмом классе. Но это, конечно, была не любовь.

Филипп. А после?

Костя. А после разочаровался, но это, конечно, тоже было не настоящее... Я ведь еще ничего не успел, Филипп...

Уходят, скрываются за деревьями Ленька и Римма.

Филипп. О чём они сейчас, как ты думаешь?

И, отвечаю, вздохнула гармонь в руках у сержанта.

...Нет, сержант, у них совсем не тот разговор, что слышится твоему ревнивому сердцу. Нахмурилась Римма, мрачнее тучи идет рядом с ней Ленька.

Ленька. Привыкли там болтать — Ленька, Ленька! Нá вот, посмотри путевку. На, посмотри!

Римма. А мне-то что?

Ленька. Нет, ты посмотри!

Римма (*посмотрела*). Ну, правильно. Ну и что?

Ленька. Ничего. Сказал бы я тебе!

Римма. Скажи.

Ленька (*дрогнул*). Поженимся.

Молчит Римма.

Ленька. Письмо, да? Письмо, я знаю. Жди, мол, скоро приеду...

Римма. Нет, Ленька. Я думаю, он не приедет. Это так, ошибка... Сними ты эту фуражку, Ленька, не идет она тебе. (*Сняла сама*.)

Ленька (*горько*). Это точно?

Римма. Точно, Ленька.

Ленька постоял, подумал, потом вдруг решительно нахлобучил фуражку, ушел.

Видит сержант: Ленька появился из-за деревьев один, без Риммы. Что такое? Почему один?

Остановились пальцы на пуговичках гармони. Задумался сержант.

Сопка в тайге. Та самая, где стояли Володька и Ася. Теперь Ася пришла сюда с Саркисяном.

— Видите,— она проводит пальцем по карте,— если срезать угол, пойти прямо... Видите, как сокращается!

— Вижу,— кивает Саркисян.— Болота. Как я пошлю людей на болота?

— Что мы, болот не видали?

Усмехнулся Саркисян.

— Детские разговоры...

...Листок-заявление в руках у Кости.

— «Таким образом, трасса сокращается, а значит, сокращаются и сроки. Ради этого можно пройти и не такие болота...» — читает вслух Костя.

— Трудности берем на себя, — подсказывает сержант.

Костя записывает. Читает дальше:

— «Просим рассмотреть наши расчеты».

— Давай, — сказал Петрович. — Все правильно.

Костя поставил свою подпись. Расписался сержант. Подошла, расписалась Римма.

Расписывается Петрович.

— Ты поразборчивей.

— Пожалуйста, — сказал Петрович. — Мо-

гу полностью.— Вот. Торопов Лазарь Афанасьевич.

— А почему Петрович?

— А я не знаю. Сами назвали.

В палатку влетел Ленька.

— У кого здесь расписываются? Давай сюда.

— Смотри не прогадай,— смеется Костя.— Здесь особенно не заработкаешь.

— Ничего, мы свое возьмем,— заявляет Ленька и расписывается — длинно, с завитушками...

Весна в разгаре. Все цветы расцвели в тайге.

Идет Володька с чемоданом в руках.

Утро. Полдень. Вечер. Нет конца дороге.

Развел костер. Улегся — ногами к огню.

Рассвет. Снова идет.

Его догоняет на просеке колонна машин — лесовозы. Везут металлические секции — части опор.

— Эй, друг! Закурить не найдется? — окликает шоferа Володька.

Машина тормозит. Шофер — паренек в шлеме танкиста — высовывается из кабины, протягивает пачку папирос.

— Куда опоры-то? — спрашивает Володька.

— На трассу.

Остановилась следующая машина, за ней еще и еще.

— Эй,— кричат шоферу,— чего ты там?

— Какому участку? — спрашивает Володька.

Но уже двинулся лесовоз. Проходит колонна.

Долгим взглядом провожает ее Володька.

И вот, как прежде, стоит бригада перед болотом в тайге.

И, как прежде, кому-то надо идти первым. Берет веревку, обвязывается Петрович. Подмигнул Косте. Пошел. Валится ель. И рядом — сосна. Тракторы трелюют к болоту поверженные деревья.

Одно, другое ложатся деревья на дорогу и тут же исчезают, поглощенные трясиной.

Наконец показалось — выступило сквозь болотную жижу — первое бревно. А тракторы тащат еще и еще. Растет лежневка.

Стоит, морщит лоб Саркисян.

ВЫ ВИДИТЕ, ЭДУАРД МИХАЙЛОВИЧ? ВЫ ПОНЯЛИ?

Падают деревья. Двинулись по лежневке машины.

Полдень. Володька продолжает свой путь.

И вдруг расступилась тайга, открыв перед ним неожиданное, удивительное зрелище.

Расступилась тайга, и в лучах утреннего солнца, как чудо, предстала сверху, с горы, стройка на берегу сибирской реки.

От края и до края, во весь горизонт, — машины, машины, машины.

Зачерпнул землю огромный ковш шагающего экскаватора-великана.

Въявь предстало все то, что, как мечта, виделось нам вначале.

Остановился Володька, захваченный, потрясенный, загипнотизированный чудом.

А навстречу уже идет, поднимается в гору новая колонна лесовозов с опорами.

Над стройкой плывет вертолет.

Над стройкой. Над колонной машин, идущей в гору. Над человеком, остановившимся у начала просеки.

В кабине вертолета — наши знакомые: Виктор Иванович и корреспондент.

— Вот тут он начинается, третий участок, — объясняет Виктор Иванович. — Ну да, железногорский. Участок Саркисяна.

Над просекой, потом над сплошной тайгой, где пробита еще только первая щель — визирка, потом снова над просекой, над бетонными плитами фундаментов и уже над опорами, над проводами — над трассой.

А на трассе продолжается работа.

Жужжат электропилы, валятся могучие сосны и лиственницы.

Укладывают бетон в опалубку котлована девчата. У бетономешалки — деловитый сержант.

Остановилась возле них машина с гравием, вышел Ленька, но Саркисян — он ведь всегда тут как тут:

— Пошел, пошел!
Ленька прыгнул в кабину, тронулся
«МАЗ», исчез за деревьями.

Два трактора, два натянутых трося под-
нимают и держат опору.

— Стой, хорош! — кричит и машет Костя.
И, проследив глазами за опорой, обра-
щается к нам:

ВОТ ТАКАЯ ИСТОРИЯ... КОНЦА У НЕЕ, КАК
ВИДИТЕ, НЕТ. МЫ ЕЩЕ ЗДЕСЬ, НА ТРАССЕ, И
ТАКИЕ ДНИ ГОРЯЧИЕ, ЧТО, ЕИ-БОГУ, НЕ ДО
ПИСЕМ. Но вы не волнуйтесь, матери, все
в порядке. Вот скоро ток пойдет на
стroiку — если прочтете об этом в газе-
те, это и будет от нас весточка... а где-то
все так же идут поезда. Миллионы моло-
дых сердец, миллион волнений и на-
дежд, миллион писем в родные края...

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм по сценарию А. Гребнева поставлен
Свердловской киностудией, выпуск 1960 г.

Режиссер-постановщик — Ю. Карасик.

Операторы — В. Кирбижеков, Г. Черешко.

Режиссер — В. Мотыль.

Художники — Л. Платов, А. Школин.

Композиторы — К. Молчанов, К. Хачатурян.

Текст песен В. Русакова.

Звукооператор — М. Иванов.

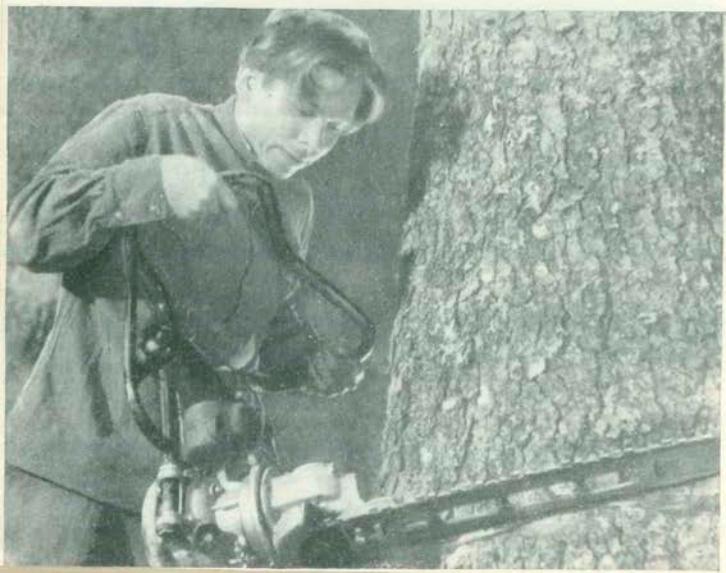
Роли исполняют

Костя — В. Абдулов, Ленька — А. Куз-
нечев, Римма — А. Завьялова, Филипп —
А. Лебедев, Володька — Н. Довженко,
Ася — М. Львова, Саркисян — Г. Гай, Дуся —
Г. Ильина, Торопов — Г. Нечаев, Боб-
ров — К. Синицын, Ким — Е. Зубарь, Ко-
тов — В. Грачев.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

Анатолий Борисович Гребнев
ЖДИТЕ ПИСЕМ

Редактор *P. Соболев*

Оформление художника *E. Ракузина*

Технический редактор *A. Мухина*

Художественный редактор *G. Александров*

Корректор *Z. Гусева*

Сдано в набор 20/I 1961 г.
Подписано в печать 8/IX 1960 г.

По оригинал-макету

Форм. бум. 70×92^{1/2}. Печ. л. 3,75 (условных 4,39)

Уч.-изд. л. 4,01

Тираж 9000 экз. А07753. Изд. № 15339. Зак. 70
«Искусство». Москва И-51. Цветной бульвар 25

Московская типография № 8
Управления полиграфической промышленности
Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Цена 22 коп.

Цена 22 коп.

Макуцем 80 1961